

честь·отвага·мужество

честь·отвага·мужество

ЮРИЙ ТАРСКИЙ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

ЮРИЙ ТАРСКИЙ

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

честь . отвага . мужество

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1964**

P2
T21

Нет выше счастья, чем борьба с врагами,
И нет бойцов, подводников смелей.
И нет нам тверже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей.

Герой Советского Союза
И. Ф и с а н о в и ч

Удар на рассвете

Линия горизонта с трудом просматривалась в вечернем фиолетовом мареве. Берег был еще далеко, но первые чайки вились с заунывным криком над иссиня-черной водой.

Штурман лейтенант Щукин, приказав опустить перископ, подошел к столику в углу отсека. Вооружившись циркулем, он измерил расстояние до берега, прикинул его на масштабной линейке карты и удовлетворенно прищелкнул пальцами. Он шел в первый боевой поход и был доволен собой: все расчеты сошлись.

Старостин, командир «Акулы», краем глаза наблюдавший за ним, чуть насмешливо спросил:

— Ну и как, штурман?

Щукин засмутился, будто его застали бог весть за каким делом.

— Все верно рассчитал. До входа в фьорд осталось два часа десять... — штурман метнул взгляд на часы, — вернее, восемь минут.

— Очень хорошо, — сказал Старостин и перевернул страницу книги, которая лежала у него на коленях.

Щукин отнес командирское «очень хорошо» на свой счет и радостно улыбнулся. В эти секунды он мечтал о встрече с врагом. Ну, хотя бы с каким-нибудь завалященским транспортишкой! Нет, на море ничего не изменилось. Только темнота стала гуще, да чаек, пожалуй, прибавилось.

Старостин смотрел в книгу, но не видел букв. «Все ли предусмотрел? Не закралась ли в расчеты ошибка?» — тревожно думал он и в который раз повторял про себя, что должен сделать с рассветом. Опыт подсказывал: всего, что случится в бою, заранее не предусмотреть, — однако это не снимало тревоги.

Уже в течение нескольких часов после того, как он принял решение прорываться во вражеский фьорд, Старостин вел яростный немой поединок с придуманным им же самим врагом. Противник был опытен, хитер и коварен; он ставил задачу одну каверзнее другой. Старостин искал на них ответы, сомневался, снова искал...

Фьорд, в который предстояло прорваться, напоминал перевязанный вверху мешок. Старостин изучил его по карте в мельчайших подробностях и

мысленно мог ориентироваться в многочисленных бухточках и заливах не хуже, чем в собственной квартире. Закрывая глаза, он видел затейливую бахромку берега, уступы мысов, нагромождения скал, приметные знаки. Разбуди его ночью — он без запинки назовет глубину на семнадцатой миле от входа или время открытия створных знаков.

Нет, его не страшит завтрашнее испытание. Совершенно не страшит, и все же на душе как-то неспокойно...

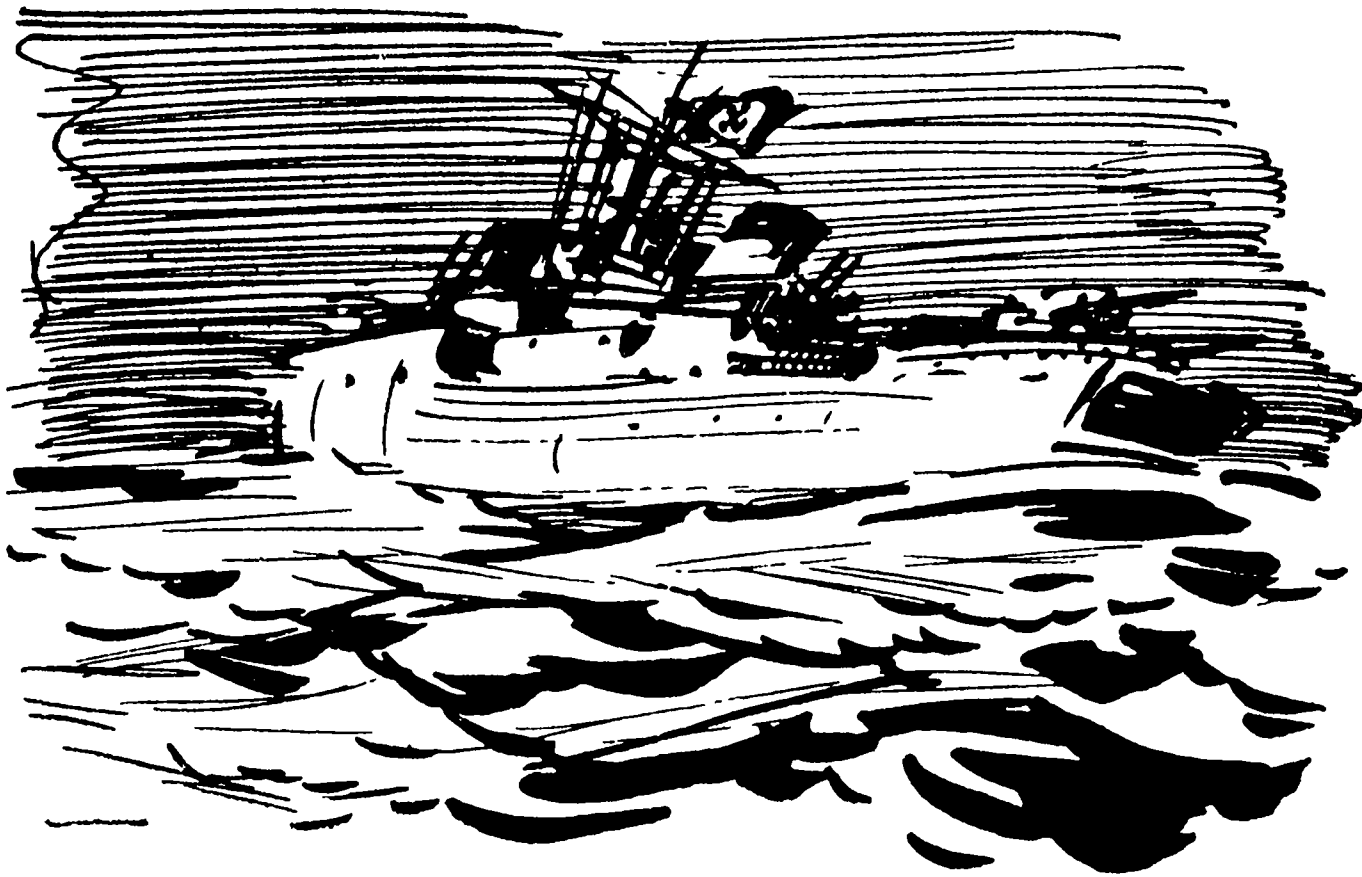
Когда сидеть становилось невмоготу, Старостин поднимался с разnojки, шагал, заложив руки за спину, от одной до другой переборки тесного отсека или склонялся над штурманским столом и в сотый, в тысячный раз мерил циркулем карту...

Затаившийся в ночи берег казался неприступным. Вершины скал сливались с непроницаемым беззвездным небом; их подножия тонули в черной и вязкой, как смола, воде. Ни огонька, ни пятнышка — ничего, за что бы мог зацепиться глаз.

Из крошечной гидроакустической рубки, прилепившейся к борту в конце отсека, раздавались прерывистый свист, звонкие ритмичные удары, шипение. Это акустик Лебёдин прослушивал голоса моря, стараясь уловить среди них враждебные, опасные для подводной лодки. Море было спокойно, и Лебёдин неизменно докладывал:

— Горизонт чист!

Опасности пока не чувствовалось, но она должна была прийти. Люди это знали и готовились к встрече с ней.

Шум винтов надводного корабля возник неожиданно. Он приближался и вскоре стал отчетливо слышен в отсеках «Акулы».

— Сторожевик! — объявил Лебёдин и сразу же добавил: — Прямо по корме еще слабый шум. Полагаю, тоже сторожевик.

«Видимо, первый стоит с застопоренными машинами, а другой идет с моря», — решил Старостин. В голову ему пришла дерзкая мысль. Не оборачиваясь, он громко спросил:

— Лебёдин, как идет сторожевик за кормой?

— Прямым курсом. Быстро нагоняет.

Старостин развернул перископ на корму, но, сколько ни всматривался, ничего не увидел: меша-

ли ночь и буран, закрутивший снежную крупу над волнами.

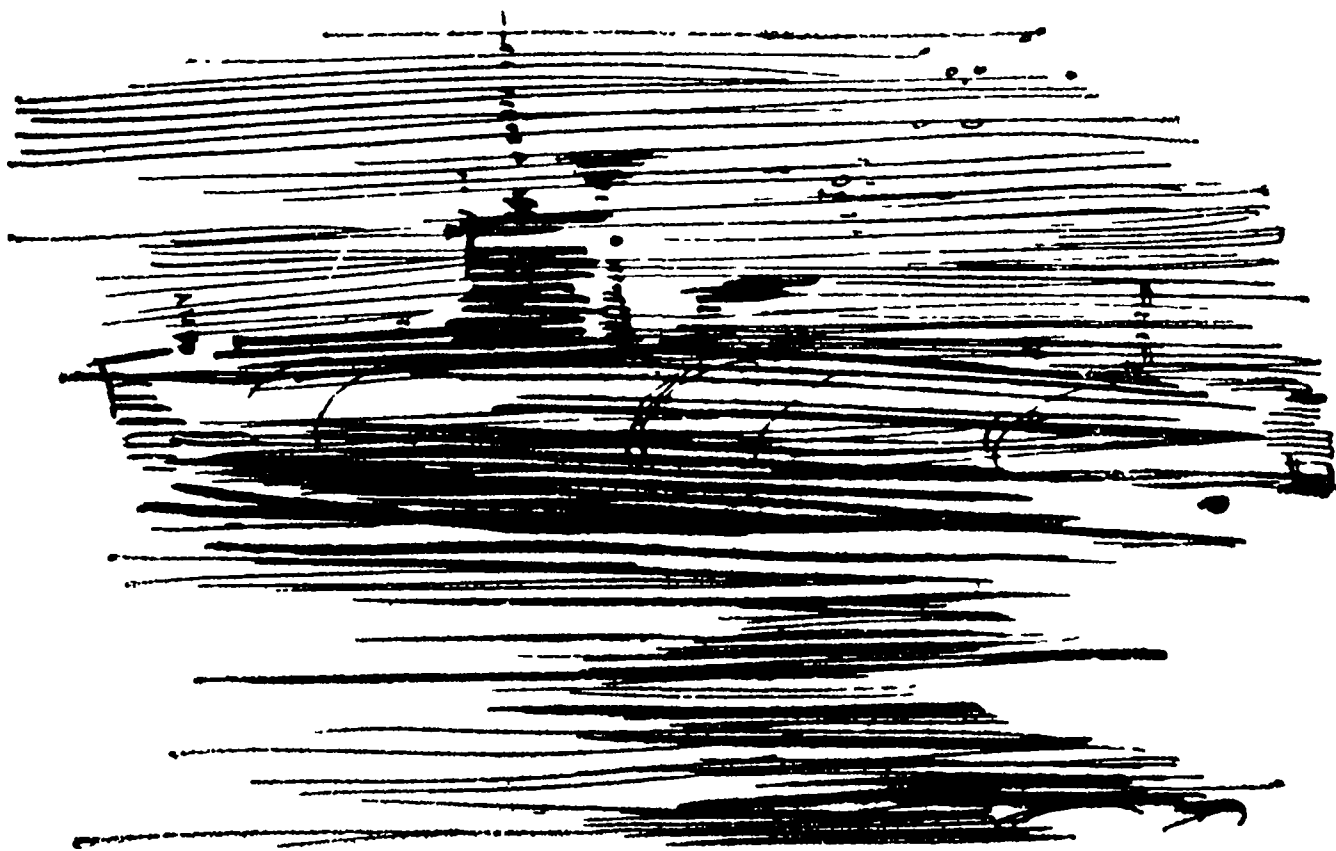
— Он близко. Курса не меняет, — снова доложил Лебёдин.

В этот же момент Старостин разглядел черное пятно. Медлить было нельзя. Он решился. Рукой показал, чтобы опустили перископ, перебросил рукоятку машинного телеграфа на полный ход и скомандовал:

— Погружаться на двадцать метров! Лебёдин, слушайте его!

Встретив непонимающие взгляды штурмана и механика, Старостин объяснил:

— Попробуем за него «зацепиться», — и улыбнулся, — может, и приведет в берлогу.

Матросский «беспроволочный телеграф» быстро донес замысел командира до отсеков. Моряки смеялись:

— Поводырь что надо! С дороги не собьется.

— И на мины с ним не попадешь.

— Под его шумок без пропуска в фьорд проскочим.

Лебедин внимательно следил за «поводырем». Стоило тому сбавить или увеличить ход, начать поворот вправо или влево, как Лебедин докладывал командиру и подводная лодка немедленно повторяла движения вражеского сторожевика. Вслед за ним «Акула» проскользнула мимо патрульных кораблей, карауливших вход в фьорд, и вошла в тихие воды.

Качка, ощутимая даже на глубине, прекратилась.

Старостин стоял посредине отсека, широко расставив ноги. На висках у него поблескивали капельки пота. Сторожевик, машины которого выстукивали однообразную песню над головой, занимал сейчас все его помыслы.

Несколько раз «Акула» расходилась со встречными кораблями. Они проходили очень близко, почти впритирку, но не обнаруживали лодку: слабый шум ее винта растворялся без остатка в мощных ударах винтов сторожевика.

К досаде всего экипажа, сторожевик вдруг «забастовал». Не пройдя и половины пути по фьорду, он неожиданно свернул с фарватера.

— Становится на якорь, — злым голосом доложил Лебедин.

«Акула» всплыла под перископ. Она шла по извилистому проходу, грани которого терялись где-то в чернильной темноте, и Старостин чувствовал себя так, будто идет по краю пропасти с завязанными глазами. Сколько раз в эти минуты он с теплотой думал о штурмане, чьи расчеты были безупречны, и о мастерстве экипажа, мгновенно исполнявшего команды.

Начинался поздний полярный рассвет; проступили очертания голых скал, припорошенных снегом. В распадках между сопok ватными слежавшимися комками залегал туман. Ближе к воде он редел, истончался, превращаясь в серую унылую кисею. Слева мигнули два спаренных огонька, ненадолго блеснули и исчезли. «Автомашина», — решил Старостин. Он стал еще осторожнее. Перископ поднимал все реже и реже и не более чем на две-три секунды. Командир лодки боялся зорких глаз береговых наблюдателей.

Около полудня «Акула» сделала последний поворот перед вражеским портом. Из носового отсека доложили о готовности торпедных аппаратов. Старостин подошел к карте. Здесь его и настиг выкрик Лебёдина:

— Шумы прямо по носу! Много шумов!

Старостин взглянул в окуляр, хрипло выдохнул:

— Пришли. Это Лиинахамари...

Впереди по отрогам сопok были разбросаны низкие постройки из кирпича. Над черепичными крышами виднелись ажурные переплеты порталных кранов и корабельные мачты. Вдоль берега протянулись линейки причалов, густо облепленные вра-

жескими военными кораблями, рыбацкими сейнерами, катерами.

Старостин сразу нашел цель для своих торпед. Это были два громадных транспорта. Они стояли у отдельного причала; над их палубами непрерывно двигались стрелы кранов. Из труб, тая в сером небе, поднимались струйки пара.

Расстояние до облюбованных транспортов было еще велико, около восемнадцати кабельтовых. «Бить в берлоге — так уж наверняка», — вспомнились слова друга, Алеши Видяева, и на миг Старостин увидел лукавую улыбку, сощуренные Алешины глаза. «Не спеши! Не спеши!» — одернул он себя, с трудом подавляя желание крикнуть «Пли!».

Когда через две минуты он снова поднял перископ, ему показалось, что лодка вот-вот выскочит на берег. По причалам и палубам судов сновали люди, вереница огромных грузовиков-фургонов тянулась цепочкой из порта. Посредине бухты, нещадно дымя, тащился замызганный портовый буксир со скошенной назад трубой и приплюснутой надстроечкой на мостике; он напоминал забулдыгу парня в сбитой на затылок шапке.

Старостин подождал, пока буксир уберется с дороги, и, смирив голос, бросил:

— Пли!..

Затем чуть развернул лодку и, едва ее нос оказался против мостика второго транспорта, повторил команду.

Два сильных рывка потрясли лодку. Громовый грохот прокатился по отсекам. Старостин приказал поворачивать к выходу из гавани.

Щукин не сводил глаз с секундомера и, сам того не замечая, нетерпеливо притопывал ногой, подгоня ленивые скачки стрелки.

Поворот заканчивался, когда гроыхнули два взрыва. Почти сразу послышался торопливый догоняющий перестук корабельных машин. Лебедин доложил: лодку преследуют шесть катеров.

— Сейчас будут бомбить, — нервно передернул плечами Щукин.

Но катера не бомбили. Они беспрерывно кружили вокруг «Акулы». Заходили то справа, то слева, появлялись впереди и за кормой лодки. Ожидание неотвратимого ложилось на плечи людей непомерным грузом, во сто крат тяжелее, чем грохот бомб. Казалось, с поверхности за ними следят холодные глаза врага, выжидающего момент, чтобы смертельно ранить.

Старостин, прислушиваясь к докладам штурмана и гидроакустика, поспешно уводил «Акулу» из растревоженного змеиного гнезда. Расстояние до выхода из фьорда, за которым расстилалась спасительная водная даль, быстро сокращалось. Щукин объявил, что идти по фьорду осталось пятнадцать минут.

— А там и до нашей хаты рукой подать, — пошутил механик.

— А как же, — засмеялся боцман, — сразу за углом, третья с краю.

Старостин улыбнулся краешком губ, хотел сказать обычное: «Не кажи гоп...» И тут лодка вдруг вздрогнула, точно наткнулась на преграду. Нос «Акулы» стал стремительно проваливаться вниз. От

удара выскочили предохранители на электрощите, и отсеки погрузились в темноту.

Падая, Старостин ударился грудью о выступ прибора. На миг оглушила боль, в глазах взорвались красно-зеленые искры. Кто-то в глубине отсека вскрикнул дурным голосом. Вскочив на ноги, Старостин едва удержался на быстро кренящейся палубе. Нарастал дифферент. Каждую секунду корма лодки могла оказаться на поверхности и выдать «Акулу» фашистским наблюдателям!

Ощущение смертельной опасности подстегивало мозг. «Врезались в подводную скалу? Нет! Удар был бы жестче, сильнее... Сеть. Противолодочная сеть. Только это!»

— Полный назад! Дать воздушный пузырь в нос! — выкрикнул командир.

Его голос прозвучал почти слитно со свистом воздуха, выталкивающего воду из носовой цистерны, и натужным воем электромотора. Подводники «Акулы» давно уже научились понимать своего командира с полуслова.

Но лодка не стронулась с места, только дифферент перешел с носа на корму. «Разорвать сеть», — подсказал себе Старостин.

— Полный вперед!

Кто-то невидимый выполнил его команду. Отрывисто звякнул машинный телеграф, смолкший на секунду мотор завыл с новой силой. Нос лодки начал опускаться. В неярком желтоватом свете ламп аварийного освещения лица моряков казались безжизненными масками. Глаза всех были устремлены на диск глубиномера. Стрелка судорожно дерга-

лась, приплясывала между двумя близкими делениями на циферблате. Зато пузырек дифферентометра не стоял на месте: он неудержимо катился все дальше и дальше к корме по розовой овальной трубке.

— Не идет... Застряла, чертовка! — процедил боцман. В его голосе слышалась не только злоба, но и отчаяние.

Старостин поднял голову. Со всех сторон на него в упор смотрели ждущие, верящие в его командирское всемогущество глаза. Он стиснул в карманах кожанки кулаки и как можно спокойнее сказал:

— Ничего... Попробуем еще разок...

Электромотор завывал как бешеный. Лодку, словно коромысло весов, наклоняло то в одну, то в другую сторону. От огромного напряжения плавились предохранители на электрощите. Палубу, переборки, стеклянные колпаки плафонов било мелкой непроходящей дрожью. Слова команд терялись в заунывном дребезжании, и приходилось кричать в полный голос.

Старостин пытался раскачать лодку. Он надеялся оборвать сеть. По его команде водяной балласт подавали то в носовые, то в кормовые цистерны.

Неотрывно смотрел командир на глубиномер, боясь пропустить момент, когда стрелка покажет, что лодка, наконец, вырвалась из железного плена. Они стали как бы одним живым, трепетным существом, подводная лодка и ее командир.

Вода в цистернах бурлила, бесновалась, но «Акула» не трогалась с места. Прочная металлическая сеть держала ее мертвой хваткой.

— Аккумуляторная батарея садится! Воздух на исходе! — доложил белый как полотно механик. Из гидроакустической рубки слышался голос Лебёдина.

— Катера! Идут на нас. Их три... Нет, пять!

Сквозь дребезжание и позвякивание корпуса на секунду, не более, прорвались шлепки катерных винтов, их тут же оборвал грохот взрыва. Еще два взрыва ухнули совсем рядом. Слышался звон металла, скрежет. Палуба ходуном заходила под ногами. Корпус трещал по всем швам, казалось, он вот-вот разлетится на куски. Спрессованный воздух хлестал по ушам. Люди широко раскрывали рты, чтобы спасти барабанные перепонки. Рев рвущихся глубинных бомб отдавался во всем теле, ощущался каждым мускулом, напряженным, как тетива.

В промежутках между взрывами яростно и нетерпеливо рычали моторы пронесшихся над лодкой катеров. Потом раскаты над головой перешли в сплошной неумолчный гул. И вдруг наступила тишина. Прекратилось даже въедливое рычание моторов.

Моряки стараются не глядеть друг на друга; каждый знает: тишина эта обманчивая, зыбкая, у каждого волнение в комок сжимает нервы. Кто-то вздыхает, судорожно глотнув воздух, кто-то тяжело переступает с ноги на ногу по битому стеклу, которым усыпана палуба.

— Застопорили ход. Ожидают, гады. Живьем думают взять, — прохрипел боцман.

Старостин резко повернулся и, едва слыша собственный голос, скомандовал:

— Создать максимальный дифферент на корму. Самый полный ход назад!

Палуба завибрировала, быстро наклоняясь. Со звоном и грохотом покатались запасные части, инструмент, осколки стекла. Нос все больше и больше задирался кверху.

— Электролит плещет из баков! — доложили из аккумуляторного отсека.

— Увеличьте дифферент, механик. Прибавьте обороты мотору, — бесстрастно приказал Старостин и отвернулся.

Теперь носовая переборка была над самой головой. Электромотор не гудел, а выл, зло и прерывисто, захлебываясь на высоких нотах.

Старостин почувствовал, что дальнейший дифферент смертелен: прольется электролит из аккумуляторных баков, вызвав короткие замыкания и пожары; с креплений сорвутся многотонные механизмы и пойдут «гулять» по отсекам, сметая все на своем пути; лодка, потеряв управление, безжизненно рухнет на дно, чтобы никогда уже больше с него не подняться. Прежде чем мысль окончательно оформилась в сознании, губы выкрикнули слова нужной команды. Трюмный машинист вцепился в клапаны на воздушной станции. Лодка дернулась, дрожание и перезвон корпуса прекратились. Электромотор запел ровно и весело, палуба приняла горизонтальное положение.

— Лодка имеет ход назад! Слушается рулей! — ликуя, закричал боцман.

Только сейчас командир почувствовал невероятную, нечеловеческую усталость. Ныло и болело все тело. Голова раскалывалась от прилившей к затылку тяжести... С минуту он постоял, смежив веки и расслабив мышцы.

Лодка вырвалась из цепких металлических объятий. Но это еще не было избавлением. Выход из фьорда по-прежнему запирала сеть.

Старостин искал выход из захлопнувшейся западни. Подводная лодка погружалась на глубину, снова всплывала, отходила то к одному, то к другому берегу фьорда и везде натывалась на ячейки сети. Старостин попробовал прорваться под сетью. «Не могли же они поставить ее до самого дна! — убеждал он себя и в уме давал уроки: — Ну, еще на три метра погружусь — и конец... Еще на три...»

Корпус лодки трещал, обжимаемый огромным давлением многометрового слоя воды. Из сальников сначала заслезилась, потом стала бить тугими, хлесткими струями вода. Острые стрелки глубиномера давно уже перешагнуло красные кричащие цифры, показывающие предельную глубину погружения лодки, а Старостин все уговаривал себя: «Ну, еще два метра... Еще метр...»

Проход под сетью найти не удалось. Лодка всплыла на безопасную глубину, и Старостин отвел ее к середине фьорда.

Дышать в отсеках было тяжело. Приходилось вдыхать все тот же теплый, уже не раз побывавший в легких воздух, который впитал в себя пары соляра, масел и горького пота.

— А катеришки-то тю-тю! Драпанули в базу! — сказал Щукин и рассыпался кашляющим нервным смешком.

«Если бы так», — с тоской подумал командир.

Будто в опровержение слов Щукина совсем рядом послышалось громкое бульканье.

Бомба!

Снова разрывы глубинных бомб окружили лодку сплошным кольцом. В торпедном отсеке боролись с водой, хлеставшей из отверстий выбитых заклепок, в аккумуляторном от взрыва сдвинулись баки и электролит плеснул через край, в центральном посту вышли из строя многие приборы, в трюм стала поступать вода.

Силы и нервы подводников были на пределе человеческой выносливости. Старостин решился на крайнюю меру: только это могло еще спасти корабль и экипаж.

Он подозвал к себе офицеров и парторга — старшину торпедистов Иванцова.

— Выход один — прорываться над сетью. Пока фашисты протрут глаза, мы должны быть далеко. Протрут вовремя — нам будет плохо. Ясно?

Офицеры были согласны с ним. Старостин закончил:

— Комендорам находиться в центральном посту. На них да на машину вся надежда. Как только палуба покажется над водой, дадим ход дизелем. Он должен работать как часы. Понятно, механик?

— Есть!

— Вам, штурман, — Старостин повернулся к Щукину, — быть в боевой рубке. Меня замените,

если что. Драться будем до конца. В плен не пойдем!

— Лучше всего проскочить у самого берега, в тени от скал, — предложил Щукин.

Старостин похвалил:

— Толково, штурман. Учту...

Дальнейшие события мелькали, как мгновенно сменяющие друг друга и не очень связанные между собой кадры.

Лодка подвсплыла. Старостин поднял перископ, обвел им по кругу, приказал:

— Продуть балласт!

Взвыл воздух, освобождая цистерны от воды. «Акула» выскочила на поверхность и закачалась с борта на борт, как ванька-встанька. За какой-то миг командир успел увидеть застывших у механизмов матросов, группку комендоров у трапа, штурмана с биноклем в руке. Командир поднялся бегом по трапу, ухватился за рукоятку рабочего люка, с силой повернул ее. В лицо ему ударила упругая струя воздуха, перед глазами взметнулся рой черных точек. Он выбежал на мостик, и сразу дробно затарахтел дизель. За кормой взбугрилась, запенилась вода. Мимо Старостина, тяжело дыша, промчались к орудию комендоры.

Зеленая, покрытая пеной вода еще омывала носовую часть лодки, а комендоры, дослав в казенник снаряд, уже замерли у пушки. Ее короткий ствол протянулся в сторону катеров, сгрудившихся на середине фьорда. В сумеречном фиолетовом мареве они казались зыбкими пятнами. На одном из катеров часто-часто замигал сигнальный фонарь, с дру-

гого ответили продолжительным проблеском. В световую переключку вступил еще один, потом береговой прожектор протянул голубой луч-щупальце в сторону мчавшейся полным ходом «Акулы». Над лодкой скрестились огненные шнуры трасс. Воздух наполнился визгом пуль и снарядных осколков. По палубе и ограждению рубки хлестнула пулеметная очередь. Возле самого борта лодки, заслонив катера, один за другим поднялись крутящиеся водяные столбы.

Старший помощник, забравшись на козырек ограждения рубки, хрипло выкрикнул комендорам:
— По катерам — огонь!..

Ствол пушки дернулся, прогрехотал выстрел. Со звоном покатались по палубе стреляные гильзы. Перед носом ближнего к лодке катера из моря поднялся острый фонтанчик, второй взметнулся за катерами. Старпом торжествующе закричал:

— Огонь на поражение, три снаряда — пли!..

Над одним из катеров заметалось пламя, озаря черную воду кровавыми отблесками. Но в тот же миг вихрь дыма и пламени встал так близко от лодки, что она по самый мостик зарылась в глубокую водяную яму. Грохот взрыва пронесся по отсекам.

Старостин досчитал в уме до трехсот — он был уверен, что сеть уже позади, — и, не сводя глаз с катеров, крикнул комендорам:

— Всем вниз! Срочное погружение!..

Рубка, словно ножом, распорола воду. Море протестующе всхлипнуло, забурлило и сомкнулось над лодкой. Где-то в стороне гигантской каменной

осыпью рухнули глубинные бомбы. Звуки разрывов постепенно отдалились, стали глохнуть. Далеко в стороне слышалось затихающее шлепанье корабельных винтов.

«Пожалуй, все. Ушли!» — подумал с облегчением Старостин.

— Прошли вход в фьорд! — доложил штурман.

Командир покосился на боцмана и матросов, глаза его улыбались.

— Что ж, отсюда до нашей хаты рукой подать — за углом третья с краю, — очень серьезно сказал он и не выдержал — рассмеялся.

Подводная лодка чуть клюнула носом, выпрямилась, затем накренилась вправо и начала переваливаться на левый борт. В отсеках загалдели, слышался смех. Но командир не отдал приказа прекратить шум. Вместе со всеми он радовался этой первой волне открытого моря, присланной им навстречу свежим ветром с востока.

Испытание огнем

А така удалась. Гитлеровский транспорт, набитый танками, самолетами и двумя батальонами эсэсовцев, горел. Быстро заваливаясь на корму, он погружался в волны. По пылающим надстройкам и мостику огромного транспорта метались крошечные фигурки, а вокруг в отливающей сталью воде чернели десятки точек — головы тонущих фашистов.

Корабли охранения ринулись к подводной лодке. Последнее, что увидел в перископ командир «Касатки» Снегов, был острый форштевень надвигающегося стеной сторожевика.

«Касатка» стремительно ушла под воду. Над головами, перемалывая море винтами, со свистом

и скрежетом пронесся сторожевик. Послышалось быстро нарастающее бульканье.

— Ну, держись, братья славяне, даст сейчас прикурить! — запрокинув к подволоку побледневшее лицо, сказал самому себе штурман. Его слова прозвучали неожиданно громко в наступившей вдруг тишине.

Раздирая барабанные перепонки, рядом загрохотали разрывы глубинных бомб. Лодка содрогнулась, метнулась к поверхности, потом клюнула носом и стала проваливаться в глубину. Стрелка глубиномера, пожирая одно за другим деления, понеслась к красной черте. Крики докладов из отсеков, приказы командира, взрывы, клокотание воды в цистернах слились воедино. Перед красной чертой предельной глубины погружения стрелка замедлила свой сумасшедший бег, чуть перейдя за черту, остановилась, трепетно вздрагивая, и медленно побежала обратно.

Преследователи не отставали от лодки. Иногда они подходили так близко, что подводники отчетливо слышали не только шум их винтов, но и дробный гул работающих машин. Взрывы стали редки: не то фашисты потеряли лодку из виду, не то берегли глубинные бомбы для удара наверняка.

— Пятьдесят семь... Пятьдесят восемь... — прислушиваясь к далеким разрывам, монотонно отсчитывал штурман и перекладывал из руки в руку спички.

— Так и двух коробков не хватит, — покосившись на него, усмехнулся командир, — разоришь баталера.

Снегов стоял посредине отсека у шахты командирского перископа и зорко наблюдал за тем, как работают матросы и старшины. Неподалеку от него на низеньком табурете устроился замполит лодки Парамонов. Изредка он поднимался, делал несколько шагов по отсеку, разминая затекшие ноги, и ненадолго останавливался возле рулевых или штурмана, склонившегося над картой.

Лицо у замполита спокойное, непроницаемое. В командирские дела без надобности он не вмешивался — это его правило. Иногда взглянет на Снегова серыми, чуть прищуренными глазами или спросит что-нибудь, эдак без нажима, будто дело проще простого: «Как думаешь, Петр Андреич, не взять ли еще градусов на пяток правее, а?»

И Снегов не в обиде — урона его командирской чести и авторитету нет; к тому же помнит — сам он во второй лишь поход командиром идет, а у Парамонова таких походов поболее полутора десятков наберется.

Преследователи времени и сил не жалели, и все же к полуночи гидроакустик доложил:

— Шумов кораблей не слышу!

— По всему видать, оторвались, — удовлетворенно пробурчал про себя Снегов.

— Поздравляю с победой, командир. Действовали в общем не плохо, — пожимая Снегову руку, сказал Парамонов.

— В общем ничего, — заулыбался довольный Снегов. — Наша радость — Гитлеру кручина. Торпедные аппараты пусты, три фашистские транспорты на дне травкой обрастают, взятый на поход

харч съеден. Думаю, пора и домой. Небось соскучился по бережку?

— Грешен, как и все, — засмеялся замполит.

— Ну, коли так... — улыбнулся Снегов. — Механик, готовьте дизеля. Штурман — курс в базу. Через пятнадцать минут продуваем балласт...

Известие, что через четверть часа подводная лодка ляжет на курс к родным берегам, мгновенно облетело отсеки. Подводники откровенно ликовали. Лица у всех усталые, заросшие, щеки опали, но... глаза блестят. А как же? Трудный, но удачный поход позади, а в базе друзья, любимые, письма из дома и прочие береговые радости.

В кормовом торпедном отсеке, несмотря на поздний час, никто не спал. Свободные от вахты матросы лежали на койках и негромко переговаривались.

— Ох, и знатно сейчас на бережку! — мечтательно проговорил Алеша Жаворонков, матрос-первогодок. — Березки... Небо чистое-чистое... И никаких тебе тревог.

— Или качки, которая наизнанку выворачивает, — в тон ему поддакнул трюмный Гаврилов.

Матросы заулыбались. Жаворонков было насупился, но уже через минуту смеялся вместе со всеми.

— А я, хлопцы, первым делом в баньку, — закатил глаза под лоб Мартынюк. — Распрекрасное это дело — русская наша баня! Вот у нас, бывало, перед службой...

— Точно! — перебил его Гаврилов. — На полке горячем с веничком попаришься — и будто на свет заново народился!

— А по мне, главное — из дому письма получить, — задумчиво, словно разговаривая с самим собой, сказал старшина торпедистов Дронов.

— Да-а... Письма... Хутор наш спалили начисто, гады. Одни печные трубы торчат, как кресты на погосте, — через силу проговорил Мартынюк.

— Твой-то где? Живы? — спросил Гаврилов.

— Мать в начале войны схоронили — бомбой ее убило, батя и старший братан в партизаны подались, а сестренка по чужим людям мыкается, — ровным голосом начал Мартынюк и вдруг перешел на шепот, задыхаясь от ненависти: — Грудь в грудь бы мне с ними! — Он заскрежетал зубами. — Как гнид бы давил, без жалости!

— Так ведь и тут без дела вроде не сидим, — повысил голос старшина Дронов. — Вот сегодня, к примеру...

Слова старшины заглушил грохот близкого взрыва. Палуба дернулась и встала на дыбы. Людей расшвыряло по сторонам. Замигал и погас свет. Град стеклянных осколков со звоном брызнул на палубу. Сквозь скрежет железа пробились крики команд и дробь колоколов громкого боя, но их тут же вобрал в себя долгий клокочущий гул нового взрыва.

Старшина Дронов рывком поднялся с палубы и бросился к переборке. Стараясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешной тьме, он бросал приказания матросам и получал их доклады. Над действиями своими он почти не задумывался: каждое из них, скупое и расчетливое, было выработано на сотнях тренировок.

Заставив на мгновение зажмуриться, ослепительно вспыхнули лампы аварийного освещения. И тут же Дронова ударило током. Из глубины отсека слышались крики:

— Пробит электрокабель!.. Бьет током!

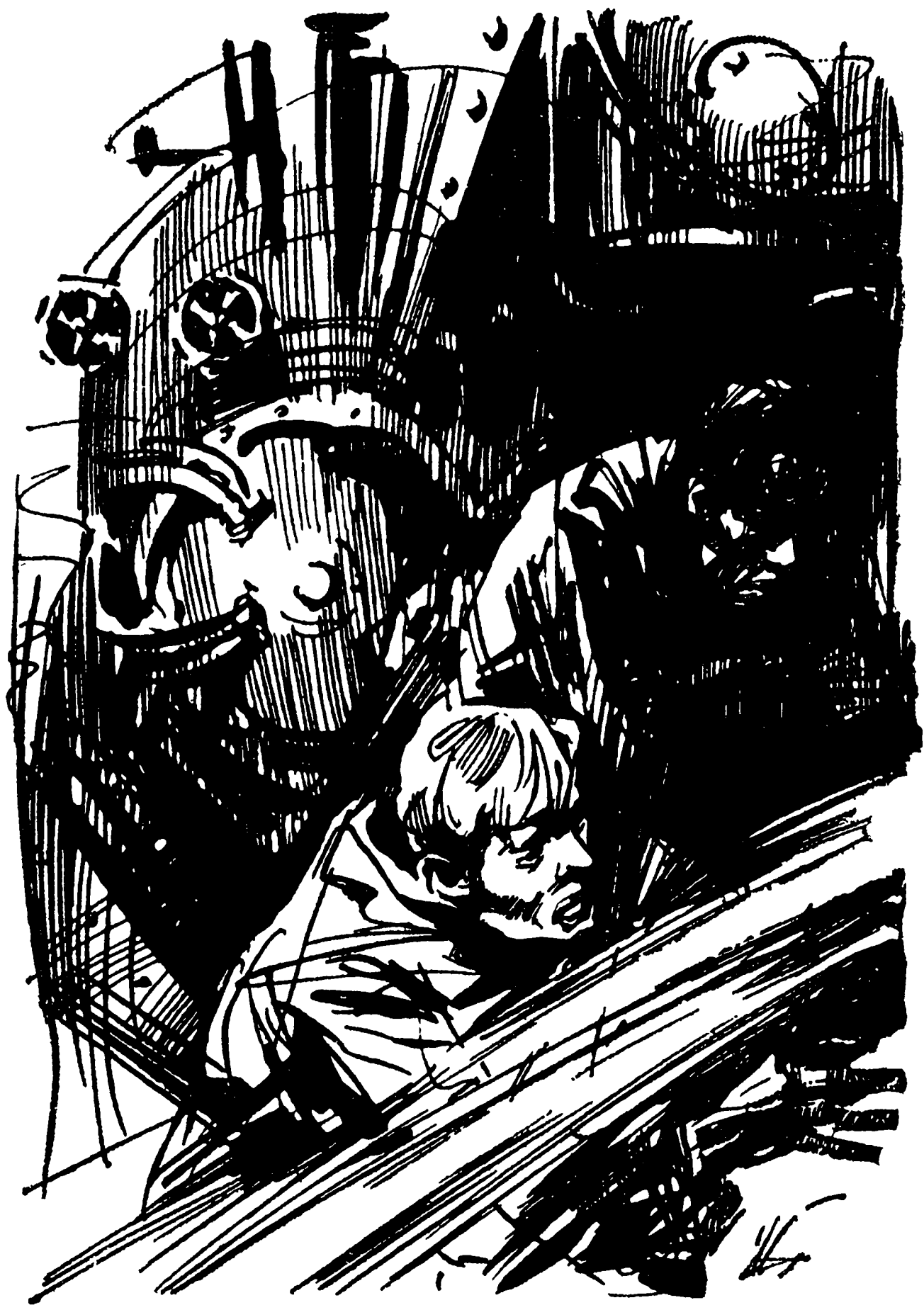
— Вырубить свет! Всем заделывать пробойну! — приказал Дронов.

Отсек вновь погрузился в темноту. Казалось, прошла вечность, прежде чем Мартынюк, ползая на коленях по усыпанной битым стеклом палубе, отыскал аккумуляторный фонарик, выброшенный взрывом из гнезда. Жиденький лучик света пробежал по отсеку, выхватывая из темноты белые пятна лиц, тускло мерцающие стекла приборов, змеиное переплетение трубопроводов. Кто-то у кормовой переборки вскрикнул:

— Всплываем!

Старшина бросил взгляд на глубиномер. Черная стрелка быстро неслась по круглому полю циферблата. Когда ее острие уперлось в пузатый ноль, палубу начало медленно перекашивать из стороны в сторону. Качка становилась все сильнее и резче. Потом стрелка вдруг снова стронулась с места и запрыгала с деления на деление, показывая увеличение глубины. Качка прекратилась. Дифферент на корму стремительно нарастал. Стоять было невозможно. Чтобы удержаться на ногах, люди цеплялись за что придется.

Немного не дойдя до предельной черты, стрелка опять остановилась, но дифферент на корму не уменьшился. Отсек быстро затопляла вода, и, казалось, ее уже ничем не остановить. Вода хлестала

через покореженную крышку люка и выбитые взрывом заклепки в корпусе. Старшина Дронов и Мартынюк пытались остановить ее, прижимая матрацы к пробойне. Рядом, возле торпедных аппаратов, работали Гаврилов и Жаворонков. Они тяжело дышали, изредка перебрасывались короткими фразами. Матрацы не помогали, вода тугими фонтанами била из нескольких трещин в борту.

В глубине отсека Фролов пытался наладить помпу. С ее помощью можно было остановить приток воды и начать осушение отсека. Но помпа отказала: всхлипнув раз-другой, она умолкла.

Из шестого отсека азбукой перестукивания запросили:

— Доложите командиру о повреждениях. Какие меры приняли?

Старшина Дронов вооружился гаечным ключом и, поглядывая на переговорную таблицу, нанесенную масляной краской на двери, быстро застучал: «Вода поступает. Течь заделываем. Люди в порядке».

«Держитесь, товарищи! Надеемся на вас!» — слышался новый стук из соседнего отсека.

«Есть держаться!» — простучал в ответ Дронов и поспешил на помощь товарищам.

— Как они там? — наваливаясь грудью на матрац, закрывающий пробойну, тревожно спросил Мартынюк.

— Порядок. Все нормально, — становясь с ним рядом, сказал Дронов. — Надеются на нас. Работай...

Подводная лодка лежала на грунте. Повреждений было так много, что Снегов с трудом отгонял мысль о невозможности с ними справиться. Беспокойство за людей, оставшихся в поврежденных отсеках, не покидало его ни на минуту. Он отдавал приказания, выслушивал доклады, беседовал с механиком, штурманом, но все это время думал о тех, кто отделен от него стальными переборками. Дорого бы он отдал за возможность хотя бы на несколько коротких минут оставить свой пост и пройти по отсекам, поговорить с товарищами, подбодрить их душевным словом.

Началась методическая бомбежка.

Частые продувания цистерн не могли остаться незамеченными врагом, ведь море над лодкой то и дело вскипало пузырями. При каждом близком ударе глубинных бомб «Касатку» встряхивало и подбрасывало над грунтом. Казалось, ее стальной корпус обжимают гигантскими клещами и он вот-вот хрустнет, как яичная скорлупа.

Замполит Парамонов по заданию командира обошел отсеки, объяснил людям создавшуюся обстановку и возвратился в центральный пост. Снегов ожидал его с нетерпением. Тревожно впился в усталое, мокрое лицо. Быстро спросил:

— Как люди?

— Держатся. Таких не сломишь, — убежденно сказал Парамонов. Он взял Снегова за локоть и отвел к штурманскому столу. — Слушай, Петр Андреич, моряки сейчас мне план предложили, и я голосую за него. Это Дронов и его ребята. Их идея. Они говорят: фрицы сидят у нас на шее и в любую минуту могут разделаться с нами. Отлеживаться на грунте бессмысленно. Предложение одно — всплыть и пробиться под прикрытием артиллерии... — Парамонов приблизился вплотную, и Снегов ощутил на лице его горячее дыхание. — Скажешь, риск? Но неизвестно, где он больше: здесь, под глубинными бомбами, или на поверхности. Надводная скорость у нас приличная, пушки исправны, матросы — орлы. А риск... Придется рискнуть!

Снегов задумался. Перед его мысленным взором проходили полуразрушенные отсеки, выведенные из строя механизмы и приборы, зеленые лица матросов и офицеров, измученных, задыхающихся

от недостатка кислорода и тем не менее самоотверженно борющихся за жизнь корабля и собственные жизни. Он, командир, был за них в ответе. От решения, которое он сейчас примет, от того, будет ли оно правильным, зависят их судьбы. А если он ошибется?..

Снегов глушил эту мысль, огнем прожигавшую мозг, но она возвращалась снова и снова. Его окружали товарищи, они стояли плечом к плечу с ним, и все же в эти минуты он чувствовал себя, как никогда, одиноко. Он остался один на один с необычайной тяжестью командирской ответственности и долга, и никто сейчас в целом мире не мог снять с его плеч этот груз.

«Думай же, Снегов!.. Думай! — приказывал он себе. — Всплыть?..» Но не рано ли? Не будет ли это самоубийством, хоть и героическим?.. Слишком неравны силы: израненная подлодка с двумя пушками против вооруженных десятком орудий и специально подготовленных для артиллерийского боя кораблей. Фашисты заняли выгодную позицию для решающего удара и только ждут, когда мы всплывем... Остаться и дальше под водой?» Но противник зорко следит за нами и разгадает теперь любой наш маневр. Любой, кроме одного...»

— Над нами сторожевик и два катера-охотника! — доложил гидроакустик. — Они сбросили бомбы! — выкрикнул он прерывающимся голосом.

Люди в центральном посту оцепенели в ожидании неминуемого удара. Головы невольно вжались в плечи. Близкий взрыв подбросил «Касатку» на несколько метров вверх. С громким скрежетом она

снова упала на каменистый грунт и беспомощно повалилась на борт. Переговорная труба с кормовыми отсеками прокричала испуганным голосом старшины электриков:

— Из аккумуляторных баков пролит электролит! Выделяется хлор!..

Снегов отбросил сомнения. Он подскочил к переговорной трубе и, стараясь унять волнение, объявил:

— Товарищи, обстановка вынуждает меня пойти на крайнюю меру. Сейчас мы всплывем и будем пробиваться артиллерией. Внезапность — наше оружие и спасение. Главный враг — сторожевик, и первый удар — по нему. Я уверен, все исполнят свой долг! Комендоры, на вас вся надежда! — Он повернулся к старшему помощнику и властно бросил: — Всплывать! Артиллерийская тревога!

«Касатка» оторвалась от грунта и с огромным дифферентом на корму устремила к поверхности. В центральный пост прибежали комендоры, на ходу застегивая ватники, натягивая поглубже шапки-ушанки. Из открытого люка артиллерийского погреба в отсек подали первые ящики со снарядами.

— Эх, братва, помирать — так с ясными очами! — тяжело отдуваясь, прохрипел трюмный машинист Фролов. — На небо только бы разок взглянуть!

— Помирать?! — зло обернулся старшина Дронов. — Лучше думай, как фашисту очи закрыть!

— А мы ему на них свои медные пятаки наложим! — сквозь сцепленные зубы выговорил Мартынюк. — Как там, наверху, все сложится, не гадаю,

а уж если выпадет помирать, не одного гитлерюгу с собой на дно прихвачу!

Командир артиллеристов лейтенант Беляев схватил свой бинокль и, как был в кителе, без шапки, кинулся вслед за командиром и замполитом к рубочному люку. Кто-то из комендоров сунул ему на бегу рукавицы, кто-то подал ушанку. В тесной и глубокой шахте рубочного люка на узеньком трапе, словно поставленном стоймя в фабричную трубу, висели друг над другом Снегов, Парамонов, Беляев, а под ними — артиллеристы. Голова лейтенанта почти касалась колен замполита.

Снизу, из центрального поста, доносился хриплый голос рулевого-горизонтальщика:

— Глубина четырнадцать метров... Восемь... Глубина шесть метров...

И вдруг отчаянный, как вопль, вскрик гидроакустика:

— Глубина четыре метра! Они нас видят!

Снегов повернул рукоятку, и крышка люка с лязгом откинулась. Сжатый воздух, вырвавшийся со свистом наружу, вынес Снегова на мостик, сорвал с головы ушанку и разлохматил волосы.

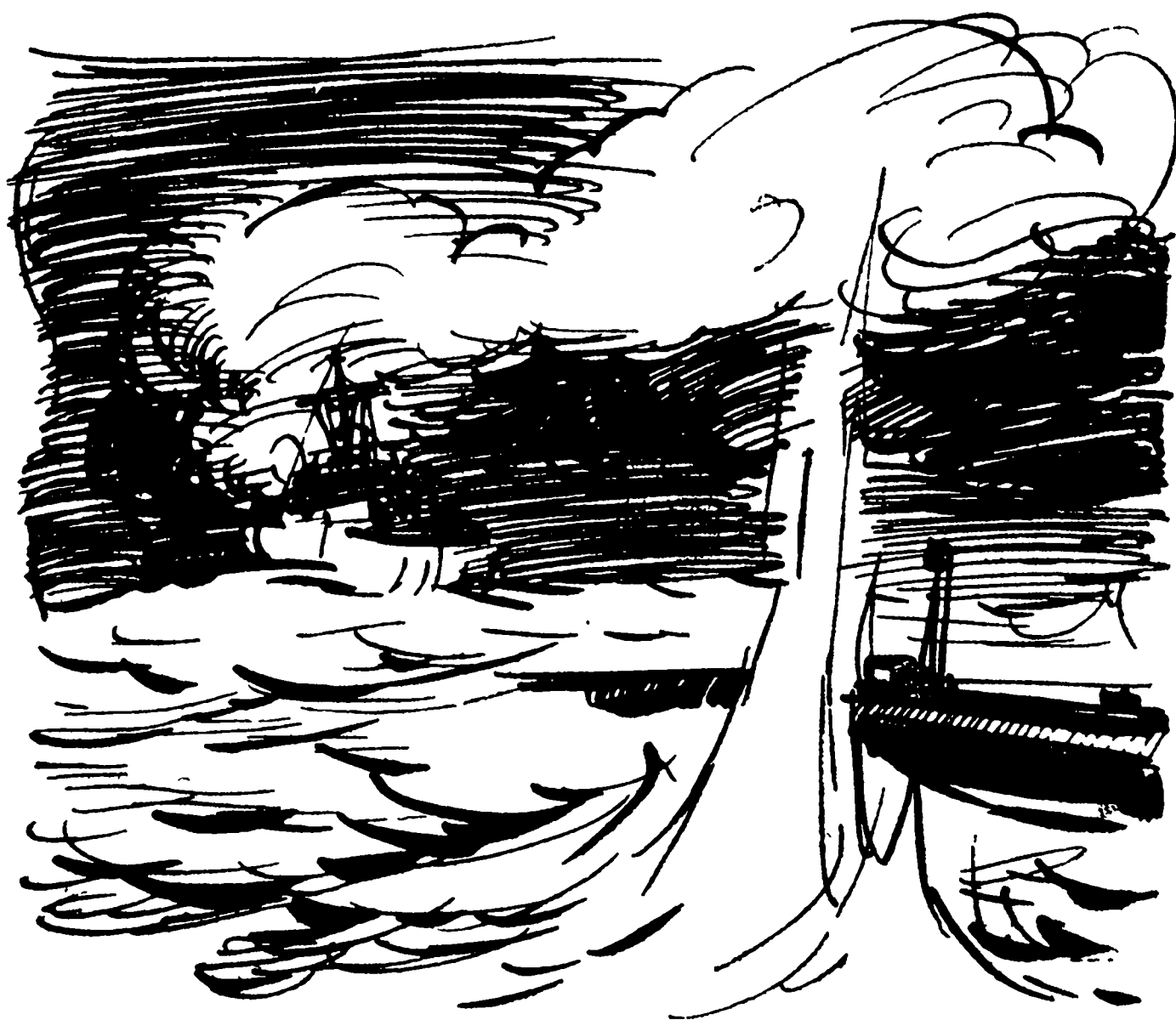
— Я с комендорами! — крикнул на бегу выскочивший вслед за ним Парамонов и бросился к кормовой пушке.

Из люка, громко топоча по трапу, один за другим выскочили комендоры.

Снегов осмотрелся. Гитлеровский сторожевик, разворачиваясь в сторону подводной лодки, открыл огонь из пушек и крупнокалиберных пулеметов. Следом за ним начали стрельбу и катера. Не-

бо вспыхнуло. словно щупальца, протянулись к лодке ослепительно сверкающие линии снарядных и пулеметных трасс.

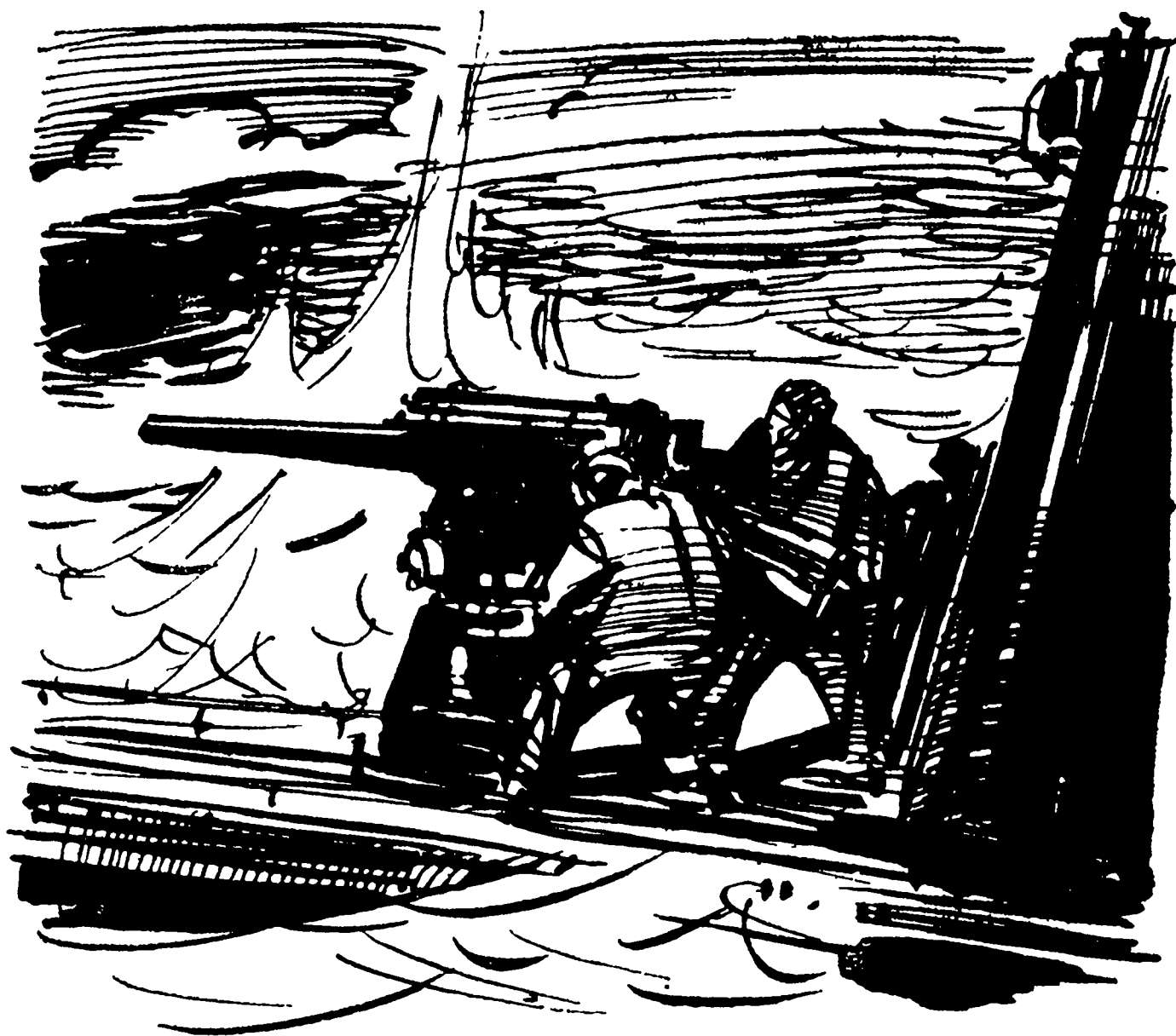
Дронов, обогнав лейтенанта, перепрыгнул через ограждение рубки на палубу и в два прыжка оказался у пушки. Возле нее уже возился замполит. Номера артрасчета заняли свои места. Из горловины рубочного люка подали ящики с боезапасом. С треском захлопнулся орудийный замок за первым

снарядом. Мартынюк, не отрывая глаз от окуляра прицела, бешено крутил маховики наводки. Тонкий ствол пушки прочертил по серому небу плавную кривую. Дронов рубанул ладонью воздух.

— Огонь!

Первые два снаряда легли с перелетом. Лейтенант Беляев забрался на козырек ограждения рубки и, приложив к глазам бинокль, руководил оттуда стрельбой.

Сторожевик хорошо пристрелялся. Его снаряды ложились кучно возле подводной лодки. Одни всплески еще не успевали опасть, как тут же вздымались новые. Сигнальщик едва успевал докладывать:

— Два всплеска по носу в кабельтове от лодки!.. Всплеск по правому борту!.. Еще один — за кормой!..

Водяной столб поднялся рядом с бортом лодки. По палубе и ограждению рубки градом пробарабанили осколки. «Касатка» содрогнулась и легла всем корпусом на вздыбившуюся волну. На мостик обрушились потоки воды.

С трудом удержавшись на ногах, Снегов вцепился помертвевшими пальцами в поручень. Звуков разрывов он не слышал, их поглощал грохот лодочных орудий и рев дизелей, работающих на самых полных оборотах.

Сильный удар за рубкой заставил его резко обернуться. Кормовую часть лодки скрыло густое дымовое облако. Уши уловили перемену в грохоте боя. «Пушка, — мелькнуло в сознании, — молчит кормовая пушка!» Сердце сдавило словно ледяными пальцами. Дым рассеялся, и Снегов увидел комендоров, лежавших в луже крови возле орудия.

Три выстрела, слившиеся в один, сделала пушка старшины Дронова. Первый же снаряд лег вблизи сторожевика.

— Сторожевик взят в вилку! — торжествующе выкрикнул Беляев. — Беглый огонь!

Еще один снаряд разорвался у борта фашистского корабля. Затем небо озарила ослепительная

вспышка. Гул отдаленного взрыва слился с ликующими криками подводников. Когда дымная пелена рассеялась, сторожевика на месте уже не было. Из моря торчал лишь обломок фок-мачты, а вокруг него чернели копошащиеся в воде точки. Окрашенное заревом небо поблекло.

Огонь вражеских кораблей поредел. Интенсивно стрелял только один катер; второй подошел к месту гибели сторожевика и подбирал из воды тонущих гитлеровцев.

— Молодцы артиллеристы! Добивайте гадов! — похвалил комендоров Снегов. — Последнего, последнего не упускайте! — закричал он еще громче, когда снаряд дроновской пушки разорвался на корме катера, вертевшегося около мачты потопленного сторожевика.

Над катером взметнулся фонтан огня, черного дыма и обломков. Бросив тонущее судно на произвол судьбы, катер быстро уходил в сторону берега, прикрываясь дымовой завесой. Лодка продолжала вести по нему огонь. Снаряды ложились совсем рядом, но маленький кораблик вертелся, как угорь, и вскоре скрылся за горизонтом.

— Черт с ним, пусть бежит к своему фюре-ру! — махнул рукой Снегов и приказал: — Отбой артиллерийской тревоги!

Дронов поднялся на мостик. Он заоченел на ветру, лицо его посинело, пальцы одеревенели и не слушались.

— Внизу! — позвал Снегов, склонившись над рубочным люком. — Мой реглан на мостик!

Снизу подали кожаное на меху пальто команди-

ра. Снегов набросил его на плечи Дронова. Старшина посмотрел на командира счастливым благодарным взглядом и устало улыбнулся. К нему потянулось несколько рук с портсигарами.

«Касатка» прорвалась. Она полным ходом уходила в открытое море. Снегов торопился оставить между лодкой и вражеским берегом как можно большее расстояние. Он ни на минуту не сомневался, что гитлеровцы, взбешенные дерзостью подводников и зная о полученных лодкой повреждениях, сделают все, чтобы расправиться с ней, выслав на перехват свои самолеты.

Рядом со Снеговым встал Кононов. Высокий и жилистый, в распахнутом на груди ватнике и сбитой на затылок шапке, замполит еще не остыл после боя; на его широких, словно вырубленных скулах горели алые пятна. Стиснув локоть Снегова пальцами, Кононов взволнованно сказал:

— Здорово, командир! Считаю, из пекла выбрались...

Снегов приказал заняться ранеными, а сам, осмотрев повреждения на палубе и в корпусе лодки, спустился вниз и прошел по всем отсекам. Повреждений было немало, среди них и серьезные, но все они, за исключением двух пробоин в корпусе и перебитого привода руля, не мешали «Касатке» уйти под воду. Главное, привод — с такой неисправностью не погрузишься.

— Не меньше часа уйдет на ремонт, — покачал головой механик. — Нет, не меньше часа, — опережая возражение командира, убежденно повторил он.

— На все даю полчаса. Слышите, полчаса и ни минутой больше. Меньше — сколько влезет, — отрубил Снегов.

— Но работать придется в надстройке; там тесно, не развернуться и волны бьют. Любого не пошлешь...

— Любого и не нужно. Выберите добровольца. Исполняйте, механик! — тоном, пресекающим возражения, сказал командир и пошел из отсека.

Прежде чем подняться на мостик, Снегов зашел в кают-компанию. Тут лежали раненые. Их было трое: Мартынюк с простреленной грудью и двое комэндоров кормовой пушки, оба с осколочными ранениями головы и рук. Свою рану Снегов в счет не принимал — шальной осколок на излете рассек лишь кожу на лбу, оставив неглубокий след.

Мартынюк лежал на диване. Он был совсем плох. Его заострившееся, без кровинки лицо напоминало маску. Перед ним на коленях стоял лодочный фельдшер и бинтовал ему грудь. Фельдшеру помогал Жаворонков, спустившийся с мостика. Грудь раненого тяжело вздымалась и опадала, из провалившегося синегубого рта вместе с хриплым дыханием рвались обрывки фраз. Он будто выстреливал их.

— Брось, доктор... Все равно мне крышка. Отплавался. Жалко... не довоевал. Мне бы хоть ползком до Берлина доползти... До гнезда их паучьего. Жалко...

Жаворонков поддерживал раненого за плечи. По его запавшим щекам катились слезы. Он глотал их и громко шмыгал курносым носом.

— А ты не плачь... Алешка, — Мартынюк хотел улыбнуться, но улыбки не получилось на искаженном страданиями лице. — Не плачь. Ты дойдешь, Алешка... За меня...

Снегов сцепил зубы, круто повернулся и, ничего не видя перед собой, пошел вон из отсека.

На палубе все уже было подготовлено для ремонта привода. Перед открытым люком в надстройку стояли механик и трюмный Фролов, низенький, узкоплечий, ни дать ни взять парнишка-подросток. Через плечо матроса висела брезентовая сумка с инструментом, в руках он сжимал маленький аккумуляторный фонарь.

— Готовы? — спросил Снегов.

— Готов, — просто ответил Фролов.

— Времени в обрез. В любую минуту могут налететь фашисты. От вас зависит жизнь товарищей.

— Я понимаю, — тихо сказал матрос и поправил лямку на груди. — Разрешите идти?

Командир кивнул:

— Идите...

Потянулись минуты, тягучие, как перестоявшаяся патока. Снегов отвернул манжету реглана, сверил свои часы с корабельными. С момента начала работы в надстройке прошло всего лишь двадцать минут. Из черного квадрата люка, видневшегося на корме, доносился глухой стук железа о железо. Из центрального поста на мостик поднялся Кононов. С побелевшего лица смотрели скорбные глаза.

— Умер... — тихо сказал Кононов. На скулах у него вздулись желваки. — До чего ж обидно терять людей сейчас, когда до победы...

Он не успел договорить.

— Воздух! — пронзительным голосом закричал сигнальщик, протягивая руку за корму.

Над горизонтом появилась малюсенькая черная точка. Она четко проектировалась на бледно-палевом фоне закатного неба. На миг скрылась в свинцовой дымке, повисшей над морем, и тут же вновь появилась, быстро вырастая в размерах.

— Справа по борту еще два самолета! — доложил сигнальщик.

— Артиллерийская тревога! Приготовиться к открытию огня! — зачастил Снегов, не делая пауз между словами.

Из люка выскочили комендоры и бросились к пушке. Жаворонков, припав к прицелу «максима», разворачивал пулемет навстречу самолетам.

«Мессершмитты», — определил Снегов по их укороченным крыльям и хищным акульим носам. Они летели над самой водой, лениво покачиваясь из стороны в сторону. Вот сквозь гул дизелей прорвался их злобный вой, и вдоль борта «Касатки» по воде протянулась частая линейка фонтанчиков.

— Огонь! — закричал Снегов, бросая лодку в крутой вираж.

Сотрясая палубу, ударила пушка и застрочил пулемет. Над мостиком с ревом пронеслись две тени. Жаворонков развернул пулемет и ударил навстречу заходящему с кормы самолету. Тот не выдержал огня — взмыл свечой, обнажив желтое брюхо, и отвернул в сторону.

«Один... второй... — считал Снегов в уме самолеты. — Где же третий?» И вдруг увидел его — «мес-

сершмитт» заходил с ле-
вого борта, вернее, не за-
ходил, а коршуном падал
на лодку с высоты.

— Самолет слева! —
крикнул Снегов.

Поворачивать было
поздно. Еще две-три се-

кунды, и он сбросит бомбу на палубу лодки. Снегов не знал, слышали ли его комендоры, или же сами заметили, но перед самолетом встала сплошная стена огня. «Мессершмитт» поднял нос кверху, и в этот момент в его желтое гадючье брюхо впились два снаряда. Самолет вздрогнул, повалился на крыло и рухнул в море.

Пилоты оставшихся истребителей осатанели. Они делали заход за заходом, осыпая лодку градом пуль. Одной из них был ранен Кононов, другая поразила сигнальщика.

Уклоняясь от хлещущих с неба огненных струй, Снегов бросал лодку то вправо, то влево, стопорил дизели и снова давал самый полный ход. Несколько раз он справлялся о Фролове и получал один и тот же ответ: «Еще немного... Совсем мало работы осталось...»

У борта разорвалась бомба. Взрыв потряс лодку.

Завывая моторами, «мессершмитты» пронеслись над подводной лодкой. Снова вернулись и, встреченные метким огнем, опять отвернули в сторону. Как очумелые от крови слепни, вились они вокруг раненого корабля, подкарауливая момент, чтобы нанести смертельный удар.

Две сверкнувшие молниями огненные строчки прошили палубу. С пушечным треском разлетелось ветровое стекло в ограждении рубки, обдав Снегова градом осколков. Рядом кто-то охнул и опустился на палубу. Старший помощник, протянув руки к горизонту, закричал:

— Еще самолеты!.. Это бомбардировщики!..

Из черной клубящейся над горизонтом тучи вывалились роем несколько точек. Они быстро приближались к лодке.

«Это конец!» — подумал Снегов. Глаза в мгновение вобрали в себя покрытое тучами осеннее небо, море, спокойно катившее зеленые волны, искорканную палубу, залитую кровью товарищей... Его охватила ярость. «Ну что ж, будем биться и с этими. До последнего снаряда!»

Вдруг кто-то тронул его за рукав. Он обернулся и увидел перед собой Фролова. Бледное лицо матроса заливала кровь. С трудом расцепляя зубы, он тихо проговорил:

— Я все сделал... Все... — и начал опускаться на палубу. Ему не дали упасть, подхватили на руки и спустили в рубочный люк.

Снегов рванул тесный ворот кителя и закричал что было голосу:

— Всем вниз! Срочное погружение!..

В люк он спустился последним, когда лодка уже проваливалась в волны. Высоко над головой пророкотали запоздалые взрывы бомб. «Касатка» чуть клюнула носом и тут же выпрямилась, удержанная опытными руками рулевого. Снегов прислонился спиной к переборке, снял с головы пилотку и вытер лицо, покрытое потом, кровью и пороховой гарью. Все глаза были обращены к нему. Люди ждали приказа. Он устало улыбнулся и отдал этот приказ:

— Штурман, курс в базу!..

Мат черному королю

1

В проходной стоял тот же, что и утром, охранник: толстомордый старик с вислым фиолетовым носом. Седой показал ему пропуск, пошутил насчет дождя, вот уже неделю заливающего Данциг, и прошел в порт.

На душе отлегло. «Ерунда! Почудилось», — счастливо подумал он. И тут же снова увидел его — человека со свекольными щечками. Подняв воротник пальто, расставив ноги циркулем, шпик стоял возле трансформаторной будки. Крысиные глазки всего на миг впились в лицо Седого и скользнули в сторону.

В груди образовалась холодная пустота. Первой мыслью было: «Бежать! Прочь отсюда, пока не поздно!» Но он одернул себя, заставил идти спокойно. Мерно шаркая подошвами стертых ботинок, прошел сотню шагов и нагнулся поправить шнурок. Шпик маячил сзади. Он был один.

Седой усмехнулся: вспомнилась сказка о веселом колобке. Не убыстряя шагов, он направился в западный угол гавани, где грузились пароходы, — там всегда было оживленно...

Шпик попался хитрый и неугомонный — вцепился, как клещ. Уже в сумерки, вдоволь попетляв между пакгаузов, не чувствуя ног от усталости, Седой решил, что оторвался от ищейки, и вышел, наконец, к своей барже.

Здесь, в южной части порта, было тихо. Ветер тоненько посвистывал в оборванных снастях судов, поставленных на вечный прикол. Деревянный причал, загроможденный пустыми бочками, сломанными ящиками, ржавыми цепями, скрывался в темноте.

Пробравшись на баржу по ветхой скрипучей сходне, Седой долго стоял в тени надстройки — прислушивался к шумам. В какой-то миг ему почудился скрип шагов. Седой замер, затаил дыхание... Тишина. Только устало вздыхает море да гулкими тягучими ударами стучит сердце. «Показалось», — вздохнул он. И снова насторожился. Шум, вкрадчивый, едва различимый, повторился. У пакгауза мелькнула черная тень. «Побежал за подмогой, ищейка», — с тоской подумал Седой.

Светящиеся стрелки часов показывали половину восьмого. «Успею», — удовлетворенно хмыкнул Седой и начал спускаться вниз. В крошечной каюте баржевого было холодно и сыро. Пахло плесенью и мышиным пометом. За разбитыми иллюминаторами одностонно плескалось море и шелестел бесконечный дождь. Где-то поблизости хриплоголосо вскрикнул буксир, и сейчас же издалека ему отозвался другой.

Кончив шифровать, Седой нажал кнопку зажигалки и поднес донесение Пятого к чадающему огоньку. Утром Пятый сказал: «Из-за этого мы здесь. Передай, чего бы это тебе ни стоило». Он был очень взволнован, Пятый. Взволнован и счастлив — это было видно по его глазам.

Пламя сожрало бумагу и опалило пальцы, но он не почувствовал боли. Взглянул на часы — связь с центром через семь минут. «Все хорошо», — решил он и устало смежил веки.

Теперь, когда решение было принято, он совсем успокоился.

— Иначе нельзя, — прошептал он, не открывая глаз. — Нельзя, — повторил еще раз, словно хотел убедить в этом самого себя.

Неожиданно вспомнилось наизидание педанта-инструктора, обучавшего радиodelу: «Никогда не ведите передачу дважды из одного места. Это опасно!»

Седой грустно улыбнулся. Боже, как давно, кажется, все это было: друзья, покой, Наташка!..

Воспоминания обступили его, закружились вокруг хороваем. Он повторял в уме цифры шиф-

ровки, а сквозь них проступали то голубое над солнечной степью небо, то засыпанные снегом ели, то родные до боли лица...

Точно в назначенное время Седой включил радию. Половина шифровки уже ушла в эфир, когда рядом на причале взвизгнули тормоза автомашины. «Только бы успеть», — подумал Седой, косясь на дверь.

Он не прервал передачу, услышав над головой топот множества ног. Наверху кто-то истошно вопил: «Эрих, Франц, Курт, он здесь! Больше ему негде устроиться!.. Идите сюда, герр штурмфюрер!..

Не снимая правой руки с ключа, Седой левой рукой придвинул к себе лежавшую на столе гранату и вытянул из кармана пистолет. Отстучав последнюю группу цифр, он несколько раз ударил по панели радиации рукояткой пистолета. Теперь уже можно было не таиться...

2

На поверхности слякоть, дождь, пронизывающий насквозь зимний ветер, а тут, на командном пункте под толщей камня и бетона, тепло и по-своему уютно. Верхний свет выключен, и кабинет освещает лишь настольная лампа под зеленым абажуром. Ничего лишнего: стол, несколько стульев, за стеклянными дверцами шкафа корешки лодий и справочников, на стенах карты, круглые морские часы, барометр. Единственное украшение —

модель крейсера, им когда-то командовал хозяин кабинета.

«Вещи — зеркало их владельцев», — припомнилось Соколову когда-то давно вычитанное изречение, и он (в который уж раз) подивился его правоте.

Адмирал снял очки, потер пальцем покрасневшую переносицу и поднял глаза на Соколова.

— Докладывайте, капитан первого ранга, — сказал он глуховатым голосом и положил очки на голубой бланк радиogramмы.

— Седой донес, что по сведениям, полученным Пятым, фашисты готовят эвакуацию из Данцига некоторых специальных учебных заведений подводного плавания, — начал Соколов. — На транспорт «Вильгельм» грузится оборудование, вооружение и личный состав для судов особого назначения — по нашим сведениям подводных лодок.

— «Вильгельм»? — наморщил лоб адмирал.

— Так точно. Это бывший лайнер. Водоизмещение двадцать четыре тысячи тонн. До войны курсировал на линии Гамбург—Иокогама.

Адмирал наклонил голову.

— Продолжайте.

— Среди них большая группа подводников всех специальностей. По сути дела, это почти весь обученный резерв их подплава, — доложил Соколов. Он заметно оживился. — Исключительный случай, товарищ командующий! Им никогда не оправиться, если они потеряют этих людей. Все нацисты, отпетый народ, специально подобранный.

— Мне это известно, — остановил его коман-

дующий. Скосив глаза на бланк радиogramмы, спросил: — Кто они, эти люди — Пятый и Седой?

— Им можно верить, — обиделся Соколов.

Адмирал досадливо поморщился.

— Я не о том, капитан первого ранга.

Соколов коротко доложил:

— Пятый — немец. Коммунист. Прошел Моабит, Дахау. Воевал в Испании. По профессии метеоролог. Седой — лейтенант Петров. Комсомолец. На связь с Пятым послан весной этого года. Они здорово сработались. Верные и отважные люди.

— Хорошо. Дальше, — попросил адмирал.

Соколов заглянул в блокнот:

— Выход «Вильгельма» предположительно сегодня с наступлением сумерек. Порт назначения — Киль. Состав охранения не установлен. Немцы дали операции условное название «Черный король».

Адмирал поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Заложив руки за спину, остановился подле карты. Отрывисто спросил:

— Что предлагаете?

Соколов подошел к карте.

— Удар, считаю, нужно нанести в районе банки Штольпе. Там маневрирование кораблей охранения будет стеснено.

— А силы?

— Только подводные лодки. Надводным кораблям туда уже не поспеть, авиации помешает ночь и плохая погода. Только подводные лодки, — убежденно повторил Соколов.

- Но наших лодок в этом районе нет.
- А Мариненко?
- Он далеко. Пожалуй, не успеет.
- Успеет. Должен успеть...

3

Радиограмму штаба приняли на лодке в 14.20. На ней стоял шифр ВВО — вне всякой очереди. Спустя десять минут шифровальщик выскочил на мостик и вручил радиограмму командиру. Подставив ветру спину, Мариненко пробежал глазами по бланку, сказал старшему помощнику: «Старпом, оставайтесь тут за меня» — и поспешно спустился в центральный пост.

Склонившись над штурманским столом, он долго шагал ножками циркуля по карте, что-то подсчитывал на листке бумаги, затем взял с полки томик лоции и прочитал все, что в нем было написано о банке Штольпе. Написано было мало, и он, чертыхнувшись, приказал:

— Штурмана ко мне...

На подводной лодке, где люди живут на виду друг у друга, ни один шаг, ни один жест командира не остается без внимания. Всевидящий «матросский телеграф» сработал без промедления. По отсекам от уха к уху поползло: «Маркони приняли ВВО... Командир колдует над картой. Послал за штурманом... Готовится что-то серьезное!..»

Штурман проложил к банке Штольпе ломаную линию курса, потом вынул из футляра логарифми-

ческую линейку и принялся считать. Мариненко переминался с ноги на ногу рядом, заглядывая через плечо штурмана на карту.

— Ну и как? — спросил он, когда штурман закончил, наконец, свои расчеты.

— К двадцати двум в точку не успеваем.

— Почему?

— Тут мы пройдем напрямую и выиграем минут сорок, зато здесь, в этом лабиринте, потеряем много времени, — и штурман ткнул тупой стороной карандаша в извилистый проход между двумя неровными квадратами, заштрихованными на карте синими линиями. По обеим сторонам прохода стояли четкие надписи: «Мины» и в скобках — «Границы полей точно не установлены».

— А если пойдем так? — и Мариненко перечеркнул ногтем синюю штриховку. — Тогда успеем?

Штурман резко поднял голову.

— Да... Но мины... Очень опасно.

Мариненко пристально посмотрел на него. С усмешкой сказал:

— В штыковом бою тоже опасно...

Четверть часа спустя все офицеры лодки собрались в кают-компании. Командир был краток: зачитал радиogramму командования, затем объяснил свое решение идти через минное поле. Зорко оглядев всех, спросил:

— Что думаете по этому поводу?

— Раз надо — пойдем, — сказал старпом и погладил лысину.

— Конечно, — подтвердил механик Грачев. —

Хотел еще что-то сказать, да, видно, передумал, кашлянул в кулак и сел.

— А мы этому черному королю мат дадим! Матик! — сверкая глазами, воскликнул минер Петренко. Его щеки, покрытые золотистым пушком, пылали. — Это же для нас такая удача!.. Такая удача!..

Механик, гася улыбку, поддел:

— Удача потому, что мы ближе других к этой банке.

— Нет, нет, не говорите, — взмолился лейтенант. — Ведь вы же так не думаете? Наша лодка...

— Самая лучшая и самая красивая на Балтике, — продолжил за него Грачев, — и на ней плавает отважнейший из отважных лейтенант Петренко.

Все засмеялись. Мариненко постучал по столу костяшками пальцев, и сразу наступила тишина.

— Разъясните личному составу задачу, проверьте готовность механизмов и орудия и — спать. Всем свободным от вахты спать. Это приказ...

Мариненко проснулся. Что-то случилось; он был уверен в том, хотя еще и не знал, что именно. Вдруг понял — уменьшили скорость хода. Взглянул на часы: спал всего сорок минут. До поворота на курс, пересекающий минное поле, осталось около часа.

Он спустил ноги с койки, сел. И тут же его опрокинуло навзничь и с силой припечатало к постели. Палуба перекосилась, поползла кверху, с полки посыпались книги. Деревянные стенки каюты дребезжали и скрипели на разные голоса.

«Ого, как бросает», — недовольно проворчал он, сиюсь принять нормальное положение. Час назад, когда он спустился с мостика, качало куда слабее.

Широко расставляя ноги, цепляясь за что придется, Мариненко добрался до центрального поста. Вахтенный подскочил с докладом: одна рука у козырька, другой держится за трубопровод. Привычной скороговоркой начал:

— Товарищ командир, за время вашего отсутствия...

Мариненко отмахнулся:

— Некогда, — и полез по трапу на мостик.

В колодце люка бешено крутил ветер, давил на плечи, срывал с головы ушанку. Было трудно дышать, и Мариненко, пригнув голову, давясь, хватал широко открытым ртом воздух. Дважды его окатила врывающаяся в люк вода, едва не сбивая с ног.

Из люка он вылез мокрый до нитки, теряя равновесие, обхватил тумбу перископа и надолго замер у окуляров.

Вокруг лодки тьма. Ветер неистовствовал в ночи, и казалось, что весь мир — черная пропасть. Острый форштевень лодки разбивал волны. Взлетая над нею, они с маху обрушивались на надстройку и мостик. Временами корабль повисал в воздухе, вибрируя всем корпусом, затем проваливался между валами и снова взмывал вверх.

Потянув за рукав старпома, Мариненко пытался перекричать вой и грохот.

— В чем дело? Почему уменьшили ход?

Старпом замотал головой.

— Громче... Пожалуйста...

Они зашли под козырек мостика и могли разговаривать, повывсив, правда, голос, словно ссорясь.

— Шторм усилился, товарищ командир.

— Я это заметил, — сказал Мариненко и, наливаясь гневом, выкрикнул в красное, посеченное ветром лицо: — Кто позволил вам изменить ход?.. Кто?! Вы понимаете, что из-за этого мы опоздаем, сорвем выполнение задачи? — И, склонившись над люком, крикнул что было сил: — В центральном! Самый полный!

Снизу, точно эхо, донеслось:

— Есть самый полный!

Лодка столкнулась с набегающей встречной волной, повалилась на борт и дрогнула, словно наткнулась на что-то твердое. Вал ударил по рубке и рассыпался дождем ледяных брызг.

Мариненко выбрался из-под козырька и подставил лицо ветру. Старпом встал рядом. Он был зол на командира, хотя в душе оправдывал его резкость. К нему снова пришли покой и уверенность, словно этот человек, выйдя на палубу, принял на свои плечи всю тяжесть бури.

Незадолго до поворота на новый курс Мариненко спустился с мостика и прошел по кораблю.

В жилых помещениях тишина и синий полумрак; свободные от вахты моряки спят. Зато в дизельном отсеке дьявольский грохот. Цокотом, свистом, дробным уханьем он обрушивается на барабанные перепонки, заставляя широко открывать рот.

В узком проходе между рычащими двигателями балансирует моторист с масленкой в руках. Со стороны его движения напоминают какой-то нелепый танец. Изредка он подает рукой знаки Илье Спиридоновичу, мичману, стоящему у пульта управления. Тот кивает в ответ или отрицательно трясет головой. Это их немая азбука.

Илья Спиридонович — хозяин отсека, хозяин рачительный и крутой. Матросы и уважают его и побаиваются. Когда им довольны, величают «машинным батькой», в гневе зовут проще — Скорпионом. Худое лицо мичмана посерело, под глазами синие круги. Тут, как и на мостике, приходится кричать.

— Как двигатели? — спросил Мариненко.

— Порядок. Стучат.

— Не подведут?

— Не должны.

И весь разговор. Моторист с масленкой застыл поодаль, наострил уши: вдруг командир скажет что-нибудь новое насчет задания. Но, уходя, Мариненко бросил мичману:

— Отдохнуть бы вам надо.

— Надо, — кивнул Илья Спиридонович. — А когда?

И верно. На лодке молодые мотористы, за ними глаз да глаз нужен; вот и стоят с ними все вахты механик в очередь с мичманом.

«Возвратимся из похода, по пять суток отпуска отвалю им обоим. Пусть отсыпаятся», — великодушно решил Мариненко.

В этот момент он искренне верил, что так оно

и будет. Забыл, что в базе работы у них невпорот, только пошевеливайся, и не до отпуска будет им, не до сна. Да и он сам, захваченный вихрем больших и малых забот перед новым походом, вряд ли вспомнит о своем обещании.

В отсеке у электриков тишина. Они отдыхают. Их работа вся впереди, когда лодка уйдет под воду. У вахтенного, молодого матроса, синие покусанные губы, в глазах — тоска. Возле него — брезентовое ведро. Время от времени он склоняется над ведром, и тогда его плечи и спину сотрясают конвульсии. Появление командира обескуражило его совсем. Встретив направленный в упор строгий взгляд, он растерялся и кое-как пролепетал слова рапорта.

— Что же это вы? Непорядок. Подводнику теряться не положено, — выговаривает ему Мариненко.

Электрик заметил взгляд командира, направленный на ведро, и залился краской. В этот момент он проклял в душе и чертово море, к которому он, сибиряк, никак не привыкнет, и себя за слабость, и придиру командира, не теряющего строгости даже в жестокий шторм.

«Не быть мне моряком, не выдюжу, — уныло подумал он. — Придем в базу, попрошусь в морпехоту».

«Добрый будет моряк. Мается, а замены не просит», — размышлял о нем командир.

В соседнем отсеке над столом склонились две разномастные головы, почти касаются лбами друг дружки, будто собрались бодаться. Смуглый брюнет — трюмный Флеров, русоволосый крепыш — тор-

педист Никитин. Физиономии у обоих красные, сердитые. Заметили командира, вскочили, руки по швам. И шторм их не валит.

— Сидите, — махнул рукой Мариненко и опустился рядом. Оглядел приятелей, усмехнулся — на зимних нахохлившихся воробьев смахивают. Спросил: — Почему не спите, товарищи? Опять ссоритесь?

— Да нет, это мы так... Беседуем, — смутился Флеров.

— А все же о чем разговор, если не секрет? — допытывался Мариненко. Ему нравились эти колючие парни, да и в штормовую ночь идти не хочется, есть еще несколько минут в запасе.

— Вот он говорит, — Никитин кивнул головой на товарища, — придем в Германию — всех немцев под корень, а землю ихнюю — под плуг.

— Всех! До единого! — сердито подтвердил Флеров. Он побледнел, лоб его перечеркнула багровая вена. — А у нас они что делали? Может, медовые пряники раздавали?... Где пройдут — смерть. В душегубках людей травили, танками на куски рвали... А Ленинград?... Трупы в сугробах на Невском. Детишки, как старики. И ты это видел. Ты же сам это видел!

— Так то фашисты, а многие простые немцы, может, вовсе и не одобряют... — попытался вставить Никитин.

— Простые немцы!.. Где они, твои простые, которые не одобряют? Почему не отвинтят башку гитлерам? Молчишь?.. Все они — одна банда. Все в ответе. Ненавижу их, проклятых! Всех под ко-

рень! Сам бы, вот этими. — И он поднял над столом жилистые, трепетно вздрагивающие руки.

— Значит, всех? — сдерживаясь, тихо спросил Мариненко. Его потрясла злая страстность матроса. — И детишек, и стариков со старухами, и тех, кто с Тельманом идет?.. И как же ты их, Флеров? Ножиком или пулей у стенки? А может, газовые душегубки применишь для скорости? А?..

Флеров побледнел еще больше. Он молчал, закусив губу и оторопело тараща глаза на командира.

— Вот то-то и оно. Не сумеешь, сердце и руки у тебя к такому не приспособлены, — покачал головой Мариненко. — Да и народ под корень нельзя, живучие у него корни, глубокие. Ему строить положено, народу, землю пахать, любить. А гитлеров... Что ж, этих — каленым железом. Без жалости. — Он поднялся и пошел из отсека. Уже держась за дверную ручку, обернулся и убежденно сказал: — Мы еще дружить с ними будем, с новыми хозяевами немецкой земли. Помни мои слова...

Ветер несколько ослабел, но лодку по-прежнему сильно качало, и мостик часто захлестывали волны.

Мариненко вглядывался в темноту, пытаясь что-нибудь рассмотреть. Под ногами у него стонал и метался корабль, а он не мог различить даже его контуров и чувствовал себя беспомощным слепцом.

Семнадцать минут назад подводная лодка пересекла зыбкую границу минного поля. Семнадцать

минут!.. Мало это или много?.. В обычной жизни — капля, в бою — океан. Здесь — бой.

Время, казалось, остановилось. Мариненко торопил его. Грудь сама упиралась в поручень, бескровные губы страстно шептали: «Ну быстрее же! Быстрее!..»

Он уже ничего не мог изменить.

...Вот и еще минута прошла! Теперь их стало восемнадцать.

Лаг отсчитывает пройденные мили. Его стрелки едва ползут по белому полю циферблата. Короткий щелчок — и миля уходит за корму. Но между щелчками — бесконечность.

В центральном посту очень шумно: в люке завывает ветер; громко стрекочут, цокают, посвистывают приборы; утробно чавкает трюмная помпа, а штурману кажется, что он слышит неровный стук собственного сердца. Он стоит, прислонившись к кормовой переборке, руки упрятал за спину — пусть лучше их никто не видит. Рядом на боевых постах застыли матросы. Лица у них спокойные, бесстрастные, жесты привычно выверенные. Тревога — в глазах.

Штурман неотрывно следит за черепашьям ходом часов. Они не спешат. Тикают себе, отмеряя прожитые минуты, как и час, и месяц, и год назад. Им торопиться некуда. Осталось девять минут... семь... четыре...

Наверное, они остановились?! Встряхнуть бы их, проклятых!.. Штурман с тоской смотрит на подслеповато ухмыляющийся ему в лицо циферблат и до хруста стискивает потные кулаки.

Последние минуты растягиваются в вечность. Но вот часовая стрелка, дрогнув, неохотно переваливает через заветное деление. И тут же штурман срывается с места и, не тая радостной улыбки, мчится к трапу на мостик. Из груди его готов вырваться счастливый крик, однако на последних ступенях трапа он замедляет шаги и командиру докладывает буднично просто:

— Мы прошли его, это поле...

У людей напряженные лица. И здесь, на мостике, и в отсеках все думают одну думу: неужели эти фашистские мерзавцы из мерзавцев, на совести каждого из которых муки и кровь советских людей, уйдут от возмездия?!

Скоро полночь, а вражеского конвоя нет и в помине. Пять пар настороженных глаз сверлят ночь с мостика подводной лодки. И все понапрасну: вокруг только черное беснующееся море. Время от времени мостик накрывает не то густой туман, не то мелкий дождь, и тогда за его частой сеткой вообще нельзя ничего рассмотреть.

Мариненко выколотил трубку о поручень, набил ее новой порцией табака и, не прикуривая, сунул в рот. Курить на мостике он сам запретил: противник может появиться в любую минуту.

Погода и бесплодное ожидание не настраивают на веселый лад. «Может, этот клятый «Вильгельм» и вовсе не выйдет сегодня», — уныло думает он, обшаривая глазами волны. Новая мысль бьет, как удар тока: «А что, если он уже прошел, пока мы барахтались в минном поле?!» В груди появляется противный холодок. «Нет, не мог пройти раньше...

Не должен был пройти», — успокаивает себя Мариненко, а в уши ввинчивается назойливый ехидный голосок: «А вот и прошел... Прошел — и ищи ветра в поле...» Брызги хлещут по лицу, ледяными струями заползают за ворот кителя, но он не отстраняется от них, только сильнее сжимает зубами мундштук трубки.

Ветер неожиданно переменился и погнал тучи на север. Шторм шел на убыль. Гребни волн сгладились, хотя на их вершинах еще курчавились белые завитки пены. На миг проглянула и тотчас спряталась луна.

Мариненко проводил ее недовольным взглядом — луна была ни к чему — и снова перевел глаза на море. В то же мгновение стоявший сбоку сигнальщик радостно выкрикнул:

— Вижу силуэт корабля!.. Нет, три силуэта! — поправился он. — Вот они!..

Впереди, правее курса подводной лодки, смутно темнели три расплывчатых пятна: одно большое и два поменьше. Они почти растворялись в ночи. Темнота скрадывала расстояние, и Мариненко, сколько ни вглядывался, не мог даже примерно определить дистанцию до них. Во всяком случае, он был уверен, что она велика.

Внизу по отсекам прокатилась тревожная дробь звонков. В течение нескольких секунд из люка слышался шум, громкие голоса; затем все стихло, и центральный пост доложил:

— Корабль к бою готов!

Штурман приник к указателю гирокомпаса и взял несколько пеленгов на фашистские корабли.

— Они уходят от нас! — закричал он встревоженно. — Очень быстро уходят!

Командира охватило беспокойство. Погружаться поздно — будет потеряно слишком много времени. Выход один — попытаться обогнать конвой в надводном положении и, заняв выгодную позицию, атаковать торпедами из-под воды.

Мариненко назвал рулевому новый курс и перекинул рукоятку машинного телеграфа на самый полный ход.

Подводная лодка вздрогнула и рванулась вперед. Двигатели уже не пели, а, захлебываясь, рычали как бешеные. Палуба и надстройки вибрировали, и их дребезжание покрывало шум волн и ветра. Тяжелые брызги окутали лодку с носа до кормы. Равномерная качка прекратилась. Накренясь, лодка с устрашающей беспомощностью летела в бездонную пустоту, а затем, словно наткнувшись на стену, вздрагивала всем корпусом и, стремительно выпрямляясь, взлетала над волнами. Рулевой с трудом удерживал корабль на курсе.

Прибежавший на мостик Грачев взмолился:

— Нельзя больше прибавлять обороты. Двигатели работают на грани возможного.

— Так перешагните эту грань. Еще десять оборотов!

Расстояние между лодкой и кораблями противника сокращалось очень медленно. Понадобилось более часа, чтобы она, наконец, поравнялась с ними. И тут произошло непредвиденное. Летели минуты, а штурман, прильнувший к визиру пеленгатора, неизменно докладывал:

— Пеленг на конвой не меняется!.. Пеленг все тот же!..

У Мариненко было такое ощущение, будто немцы, разгадав его замысел, также увеличили скорость и включились в сумасшедшую гонку. Однако мысль эта показалась ему столь нелепой, что он усмехнулся и в душе обозвал себя идиотом. Разве они позволят лодке противника идти в такой близости от себя!.. Одно было теперь ему ясно — выйти в голову конвоя не удастся.

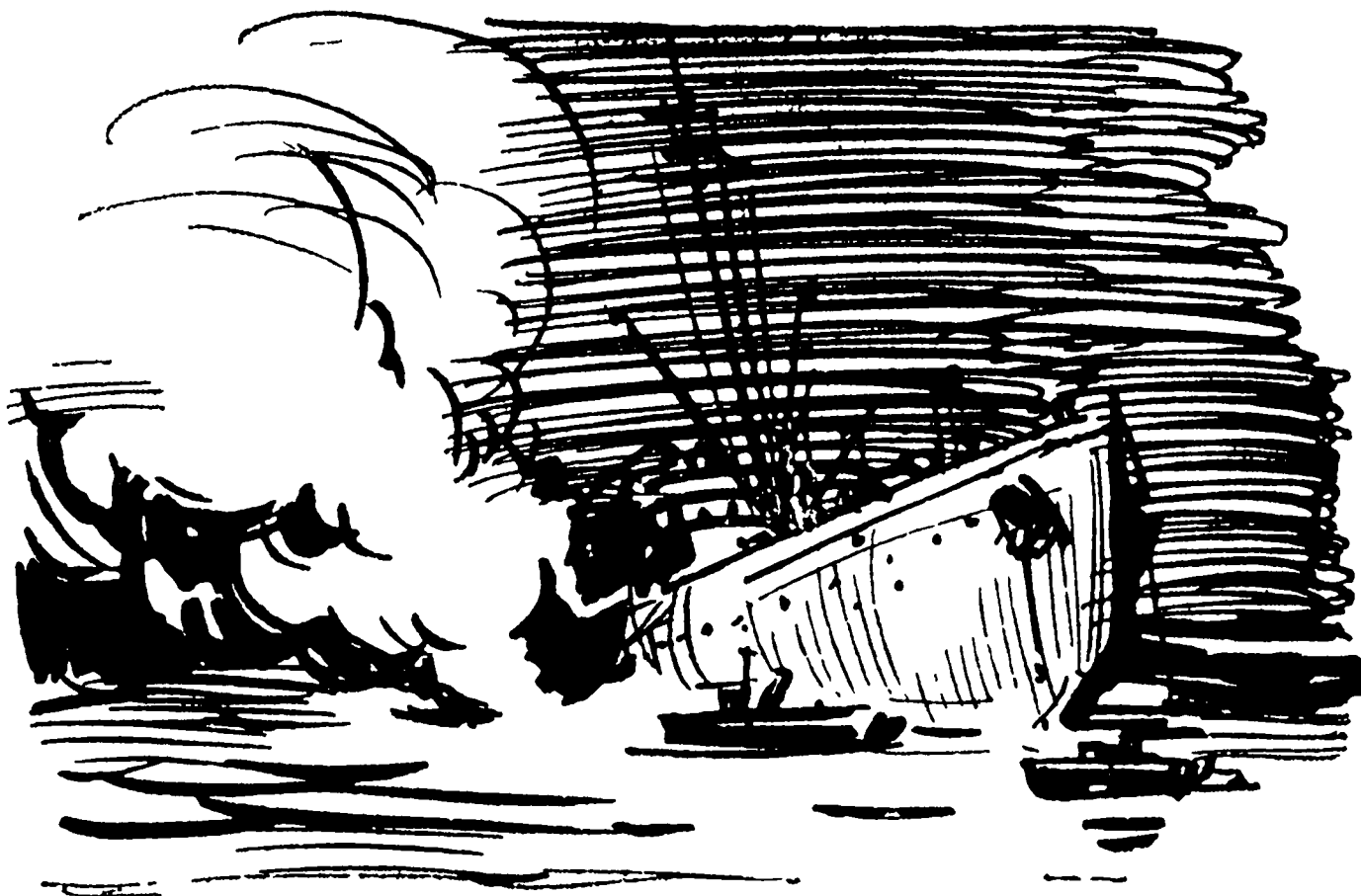
Неожиданно среди волн, там, где шли чужие корабли, вспыхнул яркий, как звездочка, огонек. Спустя миг он погас. Снова загорелся и быстро-быстро замигал навстречу подводной лодке.

— Они нас вызывают! — растерянно доложил сигнальщик.

«Обнаружили!» — Мариненко судорожно сжал пальцами поручень. Мозг лихорадочно искал выход из создавшегося положения. С удивительной четкостью и быстротой он подсказывал решения, одно за другим. Все не то!.. Вдруг искрой сверкнула мысль. Она была до дикости простой, и это пугало. «Бред!.. Сумасшествие!» — подумал Мариненко и тут же понял: действовать иначе нельзя! План атаки сложился мгновенно. Мариненко бросился к визиру надводной стрельбы и самозабвенно прокричал слова команды:

— Право на борт! Курс прямо на конвой! Торпедные аппараты ...товсь!

Нос подводной лодки стремительно покатился вправо. Волна с силой ударила в борт и обрушилась на мостик. Мариненко на мгновение потерял

конвой из виду, но почти сразу снова нашел его. Оттуда по-прежнему мигал огонек сигнального фонаря.

— Что они пишут? — не отрываясь от визира, спросил Мариненко.

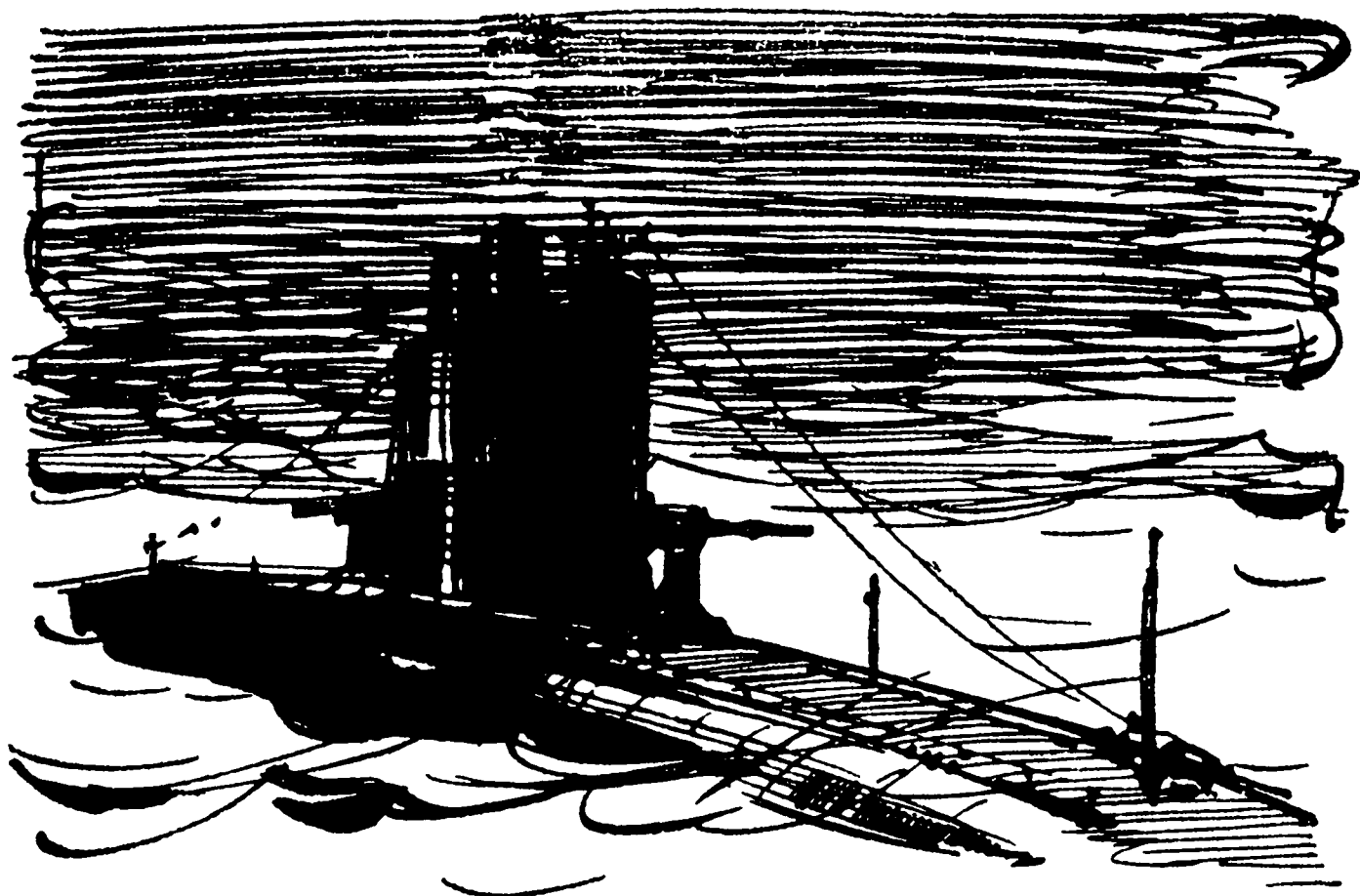
— Только три буквы: червь, добро, живете, — ответил сигнальщик. — Наверное, позывные запрашивают. За своих, видать, приняли.

— Отвечайте им.

— Что?.. Что отвечать.

— Что-нибудь, все равно что. Хотя... Сигнальте им те же три буквы... Ну, живей же, старшина! Не медлите!

Старшина с ловкостью белки взобрался на

тумбу перископа и, направляя луч в сторону кон-
воя, быстро застучал клапаном фонаря.

Огонек на горизонте погас. Пауза была долгой.
Но вот он вспыхнул снова и замигал быстрее
прежнего.

— Психуют, собаки, — злорадно прошептал
Мариненко и представил себе, как мечутся в эти
минуты на мостиках своих кораблей фашистские
командиры. Открыть огонь не решаются — вдруг
свой, и близко к себе подпустить боятся — что, ес-
ли чужой? «Минут бы десяток еще», — прикинув
расстояние, как о несбыточном, подумал он.

Все его существо без остатка охватило знако-
мое уже и ни с чем не сравнимое чувство. В нем,

казалось, напряглась струной каждая жилка. Нет, это не был азарт игрока, поставившего все на карту. Это чувство порыва и необыкновенной ясности сознания ведомо лишь настоящим бойцам: парашютисту перед прыжком с крыла самолета; солдату, поднимающемуся в штыковую атаку; пилоту, сошедшему на вираже лоб в лоб с врагом.

Расстояние до конвоя заметно сократилось, и теперь Мариненко мог различить в визир даже его строй. Стрелять торпедами было нельзя, хотя дистанция и позволяла дать залп. Корабли охранения, двигавшиеся гуськом друг за другом, прикрывали лайнер от лодки, точно стеной.

Над волнами, оставляя в черном небе искрящийся след, взмыла ракета. Она повисла между кораблями конвоя и лодкой, осветив море мерцающим неживым светом. Один из кораблей охранения стремительно покатился вправо, поворачивая на лодку. Ослепительно ярко сверкнули огненные языки. Казалось, вспыхнуло море. Звуки выстрелов слились в могучий незатихающий грохот.

«Разобрались все же», — спокойно, будто о чем-то постороннем, подумал Мариненко.

Между кораблями, наконец, появился просвет. Он быстро ширился. Нос «Вильгельма» наползал на серебряную нить визира. Когда он коснулся ее, Мариненко сжал кулаки и торжествующе выкрикнул:

— Залп!

Так держать!

Противник был где-то близко. Гидроакустик отчетливо слышал шумы винтов нескольких кораблей. Но сколько ни всматривался в перископ командир «Щ-404» Макаренков, он их не видел. Над морем держался густой туман. Северный ветер срывал с вспененных гребней брызги; Макаренкову казалось, что он ощущает на своем лице их холодные колючие удары.

Чувство беспомощности перед могучими силами природы бесило командира. Атака срывалась. Еще несколько минут, и, если не случится чуда, быстроходные вражеские корабли оторвутся от лодки. А тогда их уже не догнать...

И тут... Нет, нет! Чудес на свете не бывает...

Порывистый ветер изменил направление, начал разгонять туман. Глазам Макаренкова открылась неровная линия горизонта и на ней группа фашистских кораблей. Они четко проектировались на фоне серого, будто отсыревший брезент, неба.

Макаренков пересчитал корабли: большой, низко сидящий в воде транспорт охраняли два тральщика, эскадренный миноносец и четыре сторожевика. По конвою видать, цель не простая, с ценной начинкой.

«Щука» незаметно подбиралась к транспорту. Дважды гитлеровские сторожевики стремительно проносились над ней, заполняя отсеки оглушительным грохотом и гулом.

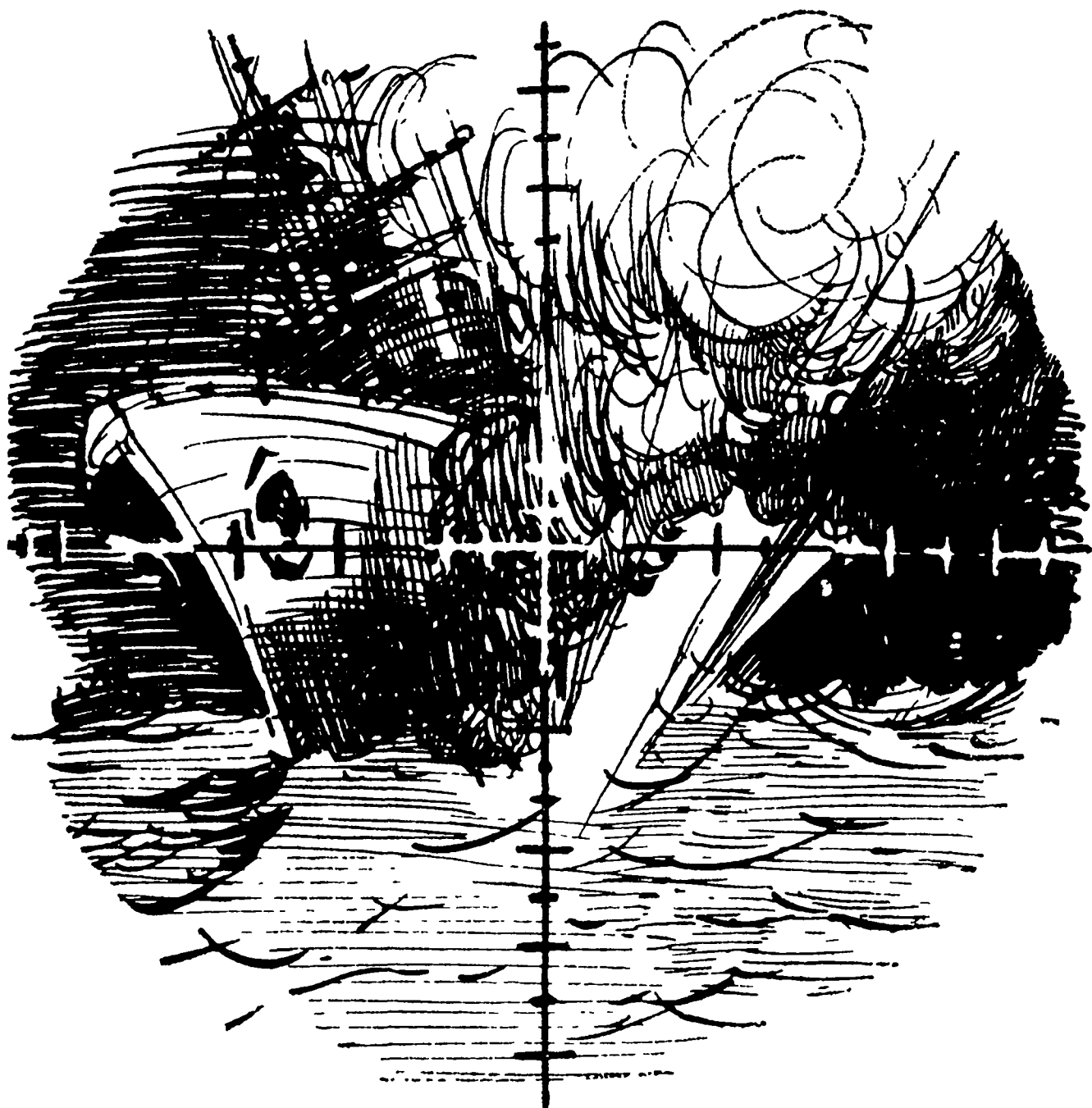
— Похоже, будто под мостом сидишь, а сверху поезд несется, — с опаской косясь на подволок, шепнул Камышеву трюмный Инюткин.

Торпедист Сергей Камышев, плечистый, высокий, с открытым улыбчивым лицом и чистыми голубыми глазами, усмехнулся, быстрым движением поправил пилотку.

— Похоже-то похоже, да только тут чуток пострашней.

Отрывисто прогудел ревун. Торпедисты замерли в ожидании команды. Сергей утопил в широких ладонях рукоятки стрельбового устройства. Он слышал, как гулкими ударами бьется в груди сердце, по спине поползла струйка горячего пота.

Мелодично тренькнули указатели торпедного автомата. Блестящая стрелка стремительно обежала разбитый на секторы круглый циферблат и уперлась острием в кричащее слово «залп». И тут

же из переговорной трубы слышался властный голос командира подлодки:

— Залп!

Камышев рванул на себя рукоятки. Шипение сжатого под большим давлением воздуха, щелчки откинувшихся курков торпед на короткое время поглотили остальные звуки. И все же сквозь

шум пробился тревожный выкрик торпедиста Дорохова:

— Торпеда сработала во втором аппарате. Вышла не полностью!..

Едко запахло жженой резиной и керосином. Ядовитое облако синего дыма быстро расползлось по отсеку. Сергей, бросившийся к торпедному аппарату, заметил, как побледнел лейтенант, командир боевой части.

Лодку сильно встряхнуло. В отсеки ворвался рокошущий гул взрыва. Это в борту фашистского транспорта рванула точно пущенная торпеда. Ее басовитый рев был знаком морякам «Щуки» — они совершали четырнадцатый боевой поход и не впервые встречались с врагом.

Корабли охранения заметались вокруг тонущего транспорта. Невдалеке от «Щуки» оглушительно ухнули первые глубинные бомбы. Камышев невольно передернул плечами; во рту у него пересохло, глаза опустились к палубе, чтобы не встретиться с растерянными взглядами товарищей.

Подводники ожидали новых ударов. Но их больше не было. Противник, видимо потеряв лодку, прекратил бомбежку. Однако гидроакустик непрерывно докладывал командиру, что слышит шум винтов. Потом и шумы смолкли. Наступила тревожная тишина. Она была во сто крат тягостнее и тяжелее грохота глубинных бомб.

«Нет, они где-то здесь, притаились и висят безмолвно над лодкой. Надеются, что мы простачки, поверим тишине и высунем нос на поверхность, — подумал Макаренков. — Здесь оставаться нельзя:

не очень-то поманеврируешь на мелководье. Надо уходить в открытое море. Но как?.. Через минное поле?..»

Он напряженно искал выхода, разглядывая на карте заштрихованный синим карандашом прямоугольник, преградивший путь лодке к спасительным глубинам.

Его беспокоила торпеда, застрявшая в аппарате. В любой момент она могла сдвинуться с места, удариться о заднюю крышку торпедного аппарата, а тогда... О том, что случится тогда, он старался не думать.

Противник на этот раз попался упорный. То ли командиры вражеских кораблей не знали, что идут по минному полю, то ли просто боялись жестокой трепки от начальства за неукарауленный транспорт, но они не отставали от лодки.

Шли часы. В отсеках «Щуки» стала ощущаться нехватка кислорода. Несколько раз Макаренков собирался отдать приказ о всплытии, но доклады гидроакустика останавливали его: фашистские корабли продолжали висеть над лодкой. Кроме того, ни на минуту из памяти не выходила застрявшая торпеда. Он зримо видел обнаженные жала ударников, готовые ударить по капсюлю-детонатору. Вот почему бессменную вахту на горизонтальных рулях нес Иван Гандюхин, лучший горизонтальщик североморского подплава и старожил лодки, совершивший на ней все четырнадцать боевых походов. Вот почему, зная, что это ничем не поможет, матросы все же ходили на цыпочках, боялись шелохнуться и, не дай бог, кашлянуть.

Гандюхин вел лодку, что называется, «по ниточке». Его глаза, зоркие, цепкие, не отрывались от стрелки глубиномера и розового воздушного пузырька, медленно перекатывающегося в овальной шкале дифферентометра. Руки, большие, жилистые, ловкие, неприметными движениями поворачивали никелированные штурвалы. Для него эти часы были испытанием не только умения, опыта, но и воли, настойчивости, упорства. Добрым словом не раз помянул Иван своего учителя — мичмана Юдина, донимавшего когда-то молодых рулевых нудными и ненужными, как им думалось, тренировками.

Но всему бывает начало и рано или поздно наступает конец. Пришел конец и нестерпимо долгому испытанию подводников. Перед рассветом «Щука» оторвалась от навязчивых преследователей. Ко всеобщей радости, гидроакустик доложил: «Море чисто!», и командир, в последний раз осмотрев горизонт, отдал команду: «Всплывать!»

Лодка всплыла на поверхность. Звонко клацнув, откинулась крышка люка, и в отсеки буйным потоком ворвался свежий воздух, холодный, по-осеннему сырой, напоенный запахами открытого моря.

Макаренков поднялся на мостик. Стояла темная ночь. Только на востоке, чуть высветив небо, пролегла узкая бледно-розовая полоса. Порывистый ветер ударил в лицо, забрался за ворот кожаного реглана, зябкая дрожь пробежала между лопатками. Макаренков поежился, но не ушел под предохранительный козырек рубки. Он даже рас-

стегнул ворот кителя, жадно заглатывая холодный, удивительно вкусный воздух.

Вслед за командиром на мостик поднялись комиссар Зайцев и сигнальщик Кундыш, долговязый и немного нескладный, прозванный матросами Телескопом. Впрочем, Кундыш, лучший сигнальщик «Щуки», не обижался на товарищей за Телескопа. Втайне он даже гордился прозвищем: оно ведь дано за зоркие глаза, а ими он и в штормовую полярную ночь видит не хуже совы.

Кундыш вооружился биноклем и взобрался на тумбу перископа — самое высокое место на подводной лодке, а офицеры, поеживаясь от пронизывающего ветра, устроились под козырьком ограждения рубки.

— Мда-а, положеньице хуже губернаторского... Что с торпедой станем делать? В отсек ее обратно не втянешь и в море тоже не выбросишь, — нарушил затянувшееся молчание Зайцев.

— Инерционные ударники, будь они неладны! — сказал Зайцев. — Чуть тронь их — мокрое место останется.

— Вытащить их надо и утопить, а торпеду сбросить за борт. Другого исхода не вижу, — наконец откликнулся Макаренков.

— А как?

— Кому-то придется пойти...

— Добровольца покличем?

— Да. Из торпедистов, конечно. Ты спустишься вниз, объясни: дело не простое, башку запросто оторвать может. Да что башку, никому несдобровать, если в аппарате рванет! И еще учти: тому,

кто пойдет, помощники потребуются. Подбери троих...

Комиссару не пришлось долго объясняться с торпедистами, самым ясно, что к чему. Идти добровольцами вызвались все, но первым шаг к комиссару сделал Сергей Камышев.

— Вы и пойдете, — сказал Зайцев. — Готовьтесь.

Перебросив через плечо тяжелую брезентовую сумку с инструментом, Сергей решительно шагнул через высокий комингс. Торпедисты молчали. Проводили его тревожными и ободряющими взглядами.

«Беспокоятся, — понял Сергей. — Эх, друзья мои дорогие...»

На мостике его встретил Макаренков и командир боевой части. Командир лодки объяснил задачу. Спросил:

— Сумеете, Камышев?

— Постараюсь, — коротко ответил Сергей и застенчиво улыбнулся. Он волновался. Всеобщее внимание смущало его.

— И еще вот что, Камышев, — твердо произнес командир, умолк на секунду, словно запнулся, и закончил: — Если фрицы наскочат — авиация или корабли, — мы погрузимся, времени не будет вас из воды поднимать.

— Ясно!

— Что ясно?! Без вас погрузимся, это понятно? — спросил Макаренков, пристально вглядываясь в лицо матроса.

— Понятно, товарищ командир. Как же иначе? — ответил Сергей и, не желая того, снова

улыбнулся. «И чего улыбаюсь, дубина!» — обругал он себя в уме и закусил губу.

— Все, значит, понятно? — еще раз сказал Макаренков, чуть помолчал и кивнул головой: — Ну, счастливо, иди...

Камышев вооружился отпорным крюком и прошел на нос «Щуки». Лодку сильно качало, бросая с борта на борт. Волны, разбиваясь о форштевень, с угрожающим ревом лезли на палубу. В промежутке между двумя валами Сергей, изловчившись, лег грудью на палубу и, придерживаясь рукой за леерную стойку, осторожно, сантиметр за сантиметром ощупал торпеду.

Волны накрывали его с головой, колотили о металл, угрожая сбросить в воду. Море словно взбесилось, швыряло на лодку за валом вал. Сергей силился не смотреть на волны, не слышать их злобного ворчания, но глаза сами тянулись к ним. В какой-то момент, когда он, перевесившись через борт, старался заглянуть в нишу торпедного аппарата, с мостика раздался отчаянный крик:

— Берегись!.. Полундра!..

Сергей вскинул голову и на миг оцепенел. Прямо на него, закрыв небо, неслась черно-синяя, дико ревущая стена воды. Он прижался всем телом к палубе и обхватил обеими руками стойку. Море обрушилось на него, смяло, закрутило в бешеном водовороте и отхлынуло в бессильной ярости перед волей и силой непобежденного человека.

Жестоко избитый волнами, мокрый, с окровавленным лицом, Сергей поднялся на мостик и доложил командиру результаты обследования:

— Торпеда больше чем наполовину торчит из аппарата. Волны ее расшатали, того и гляди переломится. Ударники взведены. С палубы их не вынуть, надо спускаться за борт. Разрешите выполнять, товарищ командир? — не сделав паузы между словами, спросил он, испугавшись вдруг, что командир может послать вместо него другого. — Я уже знаю, что и как нужно делать... — добавил он, глядя в лицо командиру.

Макаренков испытующе посмотрел на матроса, молча кивнул и наклонился над люком:

— Внизу! Подать на мостик легководолазное снаряжение Камышева!

Сергей глубоко вздохнул. Ему хотелось сказать, что он выполнит задачу, выполнит непременно, чего бы это ему ни стоило. Но он промолчал. Нужных слов — простых, идущих от сердца, — не нашлось.

Снаряжение подняли на мостик. Отложив в сторону маску с кислородными баллонами — она не понадобится, — Сергей скинул ботинки, робу, натянул резиновый комбинезон и, взяв в руку сумку с инструментами, выжидательно поглядел на командира. Макаренков сказал лишь одно слово: «Иди!», но в глазах его были и тревога, и уверенность, и сомнение.

Сергей снова спустился на палубу. Вместе с ним пошел и командир боевой части. Он должен был страховать Сергея во время работы за бортом. Лейтенант очень волновался, несколько раз переспрашивал у Камышева водолазные сигналы, говорил торопливо и сбивчиво какие-то ободряющие

слова. Сергей слушал плохо: все мысли сосредоточились на предстоящей работе. В уме он проделывал движения, которые должен будет выполнить через две-три минуты.

Обвязав вокруг пояса страховочный линь, Сергей передал конец лейтенанту и подошел к борту. По лицу с маху хлестнули тяжелые брызги набежавшей волны. По спине пробежал холодок, село скулы. Сергей до хруста сжал пальцы в кулаки.

Было очень темно. С рокотом поднимались и опадали высокие волны. В темноте море казалось зловещим, враждебным.

Лейтенант не торопил. Выбрав подходящий момент, Сергей набрал в легкие побольше воздуха, зажмурился и, с силой оттолкнувшись от палубы, бросился за борт.

Холодная вода обожгла тело. Сильно натянулся и тут же ослаб страховочный линь. Сергея взметнуло на гребень прибойной волны, завертело, ударило о борт лодки и отбросило в сторону. На секунду он потерял сознание, а очнулся уже далеко от лодки.

Волна накрыла его с головой и потянула в глубину. Он напряг все силы, чтобы вырваться на поверхность. Вынырнув, широко раскрытым ртом вдохнул мокрый воздух.

Подводная лодка рядом. Она поднимается из воды черной колышущейся скалой. Вокруг нее бурлит пена. Отчетливо видно, как волны врываются в шпигаты в борту, выплескиваются оттуда, вновь бросаются на подводную лодку.

— До лодки — метры. Набежавший вал под-

нимает его. Выше, еще выше! Он — над лодкой. Гребень волны изгибается, готовый рухнуть.

Молнией вспыхивает в мозгу: «Не ждать, действовать самому, иначе разобьет о борт!»

Он откидывается назад. Ноги резко выброшены вперед. Ступни ударяются о борт лодки. Дикая боль пронзает тело. Он делает рывок, изогнувшись всем телом, и вытягивает перед собой руки.

Пальцы скользят по мокрому металлу, судорожно выискивая, за что бы уцепиться. Но волна проваливается под ним, и он бесконечно долго летит вниз.

Поток воды с грохотом обрушивается на него, захлестывает, душит и мнет. Полузадохшийся, оглушенный, он выскакивает на поверхность, ждет очередную прибойную волну и снова устремляется к лодке.

Лишь на восьмой или девятой попытке — он потерял им счет — Сергею удалось ухватиться за вырез шпигата и устроиться возле торпеды.

Он висит над бортом подводной лодки, то глубоко погружаясь в воду, то взлетая над черными валами. Несколько минут он не может приступить к работе: нужно отрегулировать дыхание и унять дрожь в уставших руках. Впрочем, свободна только одна рука, другой он должен держаться изо всех сил, чтобы не сорваться в море при каждом ударе волн.

Немного отдышавшись, Сергей протягивает правую руку к торпедо и нащупывает ударник. Тот взведен в боевое положение. Действуя одной рукой, с крайней осторожностью, Сергей пытается

вывернуть его, но это не удастся: ударник прочно засел в гнезде. Тогда Камышев кричит на палубу, чтобы подали ключ.

С ключом дело подвинулось, да и море, будто смягчившись, присмирело. Нос подводной лодки мерно поднимался и опускался вместе с прилепившимся к нему матросом. Сергей сделал два оборота ключа. Но лодку вдруг резко развернуло, несколько раз подбросило кверху, и налетевшая сбоку волна смыла Сергея за борт. Он свалился в воду и выронил ключ.

Очнулся на палубе лодки. Он лежал и глядел на посветлевшее небо, на низко стелющиеся тучи. Голова раскалывалась, от боли вопил каждый мускул, каждая клеточка жестоко избитого волнами тела.

«Надо спешить, — думал он и приказывал себе: — Вставай!.. Вставай же!..» Но подняться не было сил. Так пролежал он несколько минут, потом решительным рывком поднялся на ноги.

— Может быть, другой пойдет? Вы устали, Камышев, — сказал лейтенант, отводя глаза.

— Нет, — упрямо мотнул головой торпедист. — Пойду я...

Просунув ногу в вырез шпигата, левой рукой вцепившись в скобу возле якорного клюза, Сергей висит над водой, прижимаясь грудью к торпедке. Волны толкают его под бок, хлещут в затылок, в лицо. Ударник заело в резьбе, он не вывинчивается. Напрягая последние силы, сцепив зубы, Сергей тянет ключ на себя, но тот все время соскальзывает. Набежавшая сзади волна бьет Сер-

гея в спину, и он, инстинктивно взмахнув рукой, сильно ударяет ключом по головке ударника.

Мозг пронзает страшная мысль: «Сейчас рванет!»

Ему кажется, он слышит звонкий щелчок спущенного бойка. Воображение мгновенно рисует картину — острое жало ударника, брошенное вперед туго скрученной пружиной, врезается в капсуль-детонатор.

Он инстинктивно поджимает ноги и сжимается в комок.

Сейчас взрыв!.. Сейчас!..

Но взрыва нет.

Он чуть расслабляет мышцы. Тело его налито усталостью, дыхание стеснено, во рту сухо. Так велика потребность хоть на минуту прикрыть глаза, отключить сознание, волю! Он заставляет себя не думать об ударнике, приказывает успокоиться. Он знает: нужна передышка. Успокоятся нервы, руки снова станут сильными, ловкими, и дело пойдет. «Возьми себя в руки!» — приказывает он себе. И начинает считать, медленно выговаривая цифры побелевшими губами...

...Пять раз он бросался в ледяную воду и пять раз возвращался на палубу лодки, побежденный морем. И всякий раз, подходя к борту, думал: «Все! Больше не выдержу... Пусть идет другой... Я сделал все, что в человеческих силах...» Но чувство, более сильное, чем усталость и страх, не позволило ему произнести эти слова вслух.

И море покорилося.

Он вывернул ударники и сбросил их в воду.

Коротко плеснуло море, навеки похоронив консервированную смерть в своей глубине. С помощью лейтенанта Сергей взобрался на палубу лодки. Две-три минуты стоял, не шевелясь, натужно дыша. Потом направился к мостику. Шел медленно, пошатываясь от усталости, с трудом переставляя прилипающие к палубе ноги. Шагавший сбоку лейтенант заглянул ему в лицо и — поразился. Камышев улыбался. Счастливая улыбка осветила лицо матроса; оно казалось необыкновенно красивым. Лейтенант хотел что-то сказать ему, даже раскрыл рот, но тревожный выкрик сигнальщика остановил его:

— Самолет противника справа двадцать! Летит на нас!..

Мостик и палуба «Щуки» опустели. Щелкнула крышка рубочного люка. Вода забурлила и расступилась под телом подлодки.

Спустя минуту там, где дрейфовал подводный корабль, море катило пустынные волны.

Сильнее смерти

Могучий удар потряс лодку. В грохоте взрыва потонул ровный гул дизелей. Оцепеневших от неожиданности людей расшвыряло по сторонам. Град стеклянных осколков пробарабанил по палубе. Мигнув раз-другой, погас свет. Сквозь скрежет железа и клокотанье воды на мгновение прорвались и тут же захлебнулись пронзительные гудки ревунов.

Этот тревожный сигнал помог людям сбросить оцепенение, заставил их вспомнить о долге и необходимости бороться за жизнь.

Старшина торпедистов Андрей Мазин рывком поднялся с колен и бросился к переборке. Он действовал почти автоматически. Движения, вырабо-

танные годами службы, были скупыми и расчетливыми.

Задрав дверь в отсек, он метнулся к вентиляционному клинкету. Из трубы хлестала тугая, как сжатая пружина, струя воды. Старшина с трудом дотянулся до маховика. Вой воды оборвался. Толстая струя превратилась в журчащий ручеек. Где-то рядом послышался отчаянный голос Никушева:

— Старшина! Старшина! Где же ты, старшина?

— Здесь я, — спокойно откликнулся Андрей.

Никушев что-то сказал, однако слов Андрей не расслышал — их заглушил грохот нового взрыва. Удар, еще более сильный, чем первый, оторвал его от маховика и сбил с ног. Перед глазами замельтешили радужные круги. Андрей попытался подняться, но руки подломились, и он ткнулся лицом в палубу.

Сознание возвращалось к нему медленно. Ноющая боль в затылке мешала сосредоточиться, он долго не мог понять, что с ним произошло. Отсек тяжелым непроницаемым пологом накрыла темень. Казалось, за ней уже нет ничего — только провал в бесконечность. Тишина, пришедшая на смену грохоту, была зловещей и какой-то вязкой.

Окончательно в сознание его привел тихий, едва слышный стон. Андрей вспомнил все. Новый стон заставил его встать на колени и, цепляясь за клапаны, подняться на ноги. Боль, которой он не почувствовал в первые секунды, острыми крючьями впилась в тело, в ушах нарастал звон. Он рос, крепчал, ширился, пока не превратился в разрыва-

ющий черепную коробку трезвон колоколов громкого боя. Андрей изо всех сил сопротивлялся надвигающемуся обмороку. Несколько минут он стоял покачиваясь на тяжелых, негнущихся, как поленья, ногах, потом, шатаясь, побрел в темноту.

Под ноги попался аккумуляторный фонарь, выброшенный взрывом из гнезда. Андрей включил его и провел желтым лучом вокруг себя.

Завьялов лежал на палубе, уткнув лицо в ладони, и тихо стонал. Неподалеку от него, привалившись спиной к борту, сидел Никушев, не мигая смотрел в какую-то точку за спиной Андрея.

Старшина наклонился и осторожно перевернул Завьялова на спину. Лицо матроса заливала кровь, сочившаяся из раны на лбу.

Бинты и йод Андрей нашел в аптечке, но перевязка не получалась: руки плохо слушались его.

— Иди сюда, помоги мне, — позвал он Никушева.

Темнота молчала. Андрей направил луч фонаря на матроса. Тот по-прежнему смотрел в одну точку.

— Матрос Никушев, ко мне! — словно выстрел, рассекла застоявшуюся тишину громкая команда.

Никушев встрепенулся, охнул. Глаза у него приняли осмысленное выражение.

Вдвоем они быстро закончили перевязку и перенесли Завьялова к торпедным аппаратам, где было посуше.

— Видать, расшибся сильно, — подал, наконец, голос Никушев.

— Воды налей! — приказал старшина.

Никушев торопливо нацедил кружку из аварийного бачка и протянул командиру.

Завьялов сделал несколько жадных глотков. Вода потекла по подбородку, холодными струйками заползла за ворот рубы.

— Теперь хорошо... Спасибо, — сказал он и попытался сесть.

Андрей подошел к кормовой переборке. Предчувствие беды сжимало сердце. Стало жарко. Он стер пот со лба и взглянул на товарищей. Их лица смутно белели в темноте. Огромным усилием воли он поднял руку и легонько ударил по переборке. Прислушался. Ответа не было. Застучал сильнее, потом забарабанил обоими кулаками. На помощь к нему подскочил Никушев.

Затаив дыхание все трое вслушивались в тишину за переборкой.

— Еще... еще стучите! — дрожащим голосом требовал Завьялов.

И они стучали. Слушали зыбкую, звенящую тишину и снова стучали.

— Как же это, старшина? Почему молчат? — растерянно спросил Никушев. — Почему молчат? — повторил он громче.

Андрей торопливо выключил фонарь, он не хотел, чтобы матросы видели его лицо. У него было такое ощущение, будто в груди что-то оборвалось. Сердце, которое он прежде никогда не слышал, билось тяжелыми неровными точками.

— Что делать будем, старшина? — тихо спросил Завьялов.

— Нету никого... одни остались, — простонал

Никушев. — И Епишина нет, и Важенина, и командира нашего... Все они там.

Он приткнулся к торпедному аппарату и заплакал, размазывая ладонью слезы по лицу.

— Будет тебе. Ну, будет! — через силу сказал Андрей. — Жить нам надо. Сравняем в отсеке давление с забортным, отдраим люк и выйдем на поверхность в спасательных масках. Глубина тут небольшая, двадцать три метра на глубомере. И берег недалеко, попробуем до него вплавь добраться...

— А если фашисты наверху? — хрипло спросил Никушев.

— Пистолет есть. Живыми не возьмут.

— Нам-то с Никушевым все одно наверх не выбраться, — выговорил Завьялов.

— Ерунду городишь! — оборвал его старшина. — Трусишь, что ли?

— Ну, я, к примеру, трушу, — всхлипнул Никушев и вдруг сорвался на крик: — Да, да! Трушу! А что, может, запретишь? Накажешь?...

Мазин сморщился, как от сильной боли. Хотелось закричать в ответ, ударить по кривящемуся мокрому лицу. Но, будто не слыша обидных слов, он продолжал выжидательно глядеть на матросов.

— Ты-то смелый! Храбрец! Бери, хватай свою масочку! А нам все равно погибаться в этой коробке! — в исступлении кричал Никушев.

— Погоди, Санек, — остановил его Завьялов. — Погоди же, — еще мягче повторил он и, когда Никушев оборвал свой крик, сказал, словно извиняясь за вспышку товарища: — Не обучен-

ные мы водолазному делу, старшой. Понимаешь, совсем не обученные... Вот какая, гляди, петрушка.

Только сейчас Мазин вспомнил, что оба матроса пришли на лодку с молодым пополнением незадолго до выхода в море. Из учебного отряда их выпустили досрочно, в день начала войны, и легководолазной практики они пройти не успели.

— Не беда, этой премудрости я вас быстро обучу, — убежденно сказал Андрей. — Только запомните оба: устав для нас никто не отменял. Вы бойцы, я старшина, ваш командир. Так будет до конца.

Положив спасательный прибор на колени, изредка подсвечивая себе фонариком, старшина начал необычный урок. Урок не в светлом уютном классе, а в полузатопленном отсеке, на который многотонным прессом давила громада моря.

Ученики были внимательны. Они знали — в предстоящем суровом экзамене оценок только две: жизнь или смерть.

Закончив объяснение, старшина провел с матросами тренировку. Он обвязал каждого тонким линем вокруг пояса, приказал надеть маски и спуститься в затопленный трюм. Сам же со страховочными концами в руках остался на палубе.

— Не так! Не так! — яростно кричал Андрей в черный квадрат люка, когда над водой показывалась то одна, то другая голова. — Не так! Спокойней дышите! Ровней!

Минут через пятнадцать, мокрые и дрожащие, они выбрались на палубу и сбросили маски.

— Пор-р-рядоч-чек, — цокая зубами, сказал

Никушев и в изнеможении опустился на палубу.

Завьялов, выплюнув изо рта соленую горечь, поддержал приятеля:

— Отдраивай люк, старшина. Будем всплывать.

Но отдраить люк не удалось: взрывом покорежило его крышку, она не поддавалась никаким усилиям.

Андрей призвал на помощь все свои знания, опыт, смекалку.

...Работать им приходилось поочередно, потому что на узеньком трапе у люка мог поместиться только один человек. Они почти не разговаривали, боясь выдать тревогу, которая росла с каждой уходящей минутой. Пальцы у них были разбиты и кровоточили, глаза слипались от пота.

Старшина украдкой взглянул на часы и провел ладонью по взмокшим волосам. С момента аварии прошло восемь часов. Начинал сказываться недостаток кислорода: стало трудно дышать. Каждый удар, каждое движение требовали невероятных усилий.

Удары кувалды гулко разносились по отсеку. После каждого удара тот, кто работал на трапе, шумно выдыхал воздух и судорожно хватался за люк, чтобы не свалиться.

«Нет, не открыть его... Не открыть проклятый!» — понял Андрей, но еще долго не мог отдать команду прекратить бесцельную работу. «Ну, еще немного!.. Еще десять... пять ударов», —

не веря в чудо, убеждал он себя, отодвигая минуту, когда придется сказать страшную правду.

И эта минута пришла.

— А теперь как же, старшина? — спросил Завьялов.

Никушев, только что спустившийся с трапа, подобрал кусок мокрой ветоши и для чего-то принялся протирать никому уже не нужную кувалду. Потом отошел к своей койке и бережно, словно хрупкую вазу, уложил кувалду поверх одеяла.

Лихорадочное возбуждение, охватившее его во время работы, сменилось апатией. Хотелось одного: лечь на койку и, укрывшись с головой одеялом, окунуться в забытие.

Старшина и Завьялов о чем-то шумно говорили, спорили, но Никушев слышал только их голоса, не различая слов.

Вокруг него будто образовалась пустота. Он никак не мог сосредоточиться на какой-то очень важной, но упорно ускользавшей мысли. «И чего болтают, — думал он. — Неужели не понимают, что это конец? Конец!..»

А старшина с Завьяловым все говорили и говорили, строили новые планы спасения. Их голоса раздражали Никушева. Не выдержав, он устало бросил в темноту:

— Люк не открыть, через торпедные аппараты тоже не выбраться — в обеих торпеды. Их коленом не вышибешь, воздуха-то нет. Чудаки вы...

— Сам ты чудака! — отозвался Андрей. — Есть воздух. Возьмем его из одной торпеды на стрельбовой баллон и выстрелим другую.

— Точно. Помнишь, перед походом лейтенант показывал, как это делается? — подал голос Завьялов.

— Ну, помню, — еще отказываясь верить, но чувствуя, как часто забилося сердце, согласился Никушев. — Только...

— К дьяволу «только»! За работу, хлопцы! — деловито распорядился Андрей. — Главное сейчас — отыскать соединительный шланг. Он где-то здесь, в отсеке.

Завьялов вспомнил, что сам уложил шланг в трюме между трубопроводами, и вызвался слезть за ним. Но Андрей послал в трюм Никушева.

Матрос надел маску и приблизился к люку. Черный проемдохнул ему в лицо угрожающе разверстой пастью. Трюм, в который он еще недавно спускался без опаски, сейчас казался бездонным. Никушев попятился и замер, не в силах сделать и шага вперед.

— Давай! — подстегнул его голос Андрея.

Матрос оглянулся, но не сдвинулся с места. Ото всей его костлявой фигуры с выпирающими лопатками и угловатыми, сникшими плечами исходила такая растерянность, такая безнадежность, что Андрей с трудом подавил в себе желание пожалеть матроса.

— Позвольте мне? — пришел на выручку другу Завьялов.

Андрей даже не посмотрел в его сторону. Вплотную придвинулся к Никушеву и властно приказал:

— Марш в трюм! Живо!

Никушев натянул на голову маску, послушно опустился на корточки и скрылся в темноте.

Аккумуляторная батарея фонаря села, и работать пришлось впотьмах. Вот когда Андрею пригодилось знание отсека! В полной темноте он как при дневном свете. С помощью Никушева ввернул один конец тонкого медного шланга в воздушный резервуар торпеды, другой — в колонку воздуха высокого давления и открыл нужные вентили. Шланг задрожал, забился под напором взревевшего воздуха.

Спустя несколько минут матросы доложили:

— Торпедный аппарат готов к выстрелу!

Андрей стиснул потными пальцами стрельбовую рукоятку.

— Ну! Давай! — выкрикнул нетерпеливо Завьялов.

«Что же ты?» — подогнал себя Андрей и всем телом навалился на рукоятку.

Шипенье воздуха и короткий щелчок внутри аппарата слились с восторженным выкриком матросов:

— Торпеда вышла!..

Путь на поверхность — к солнцу, к жизни — был открыт!

И тут выяснилось неожиданное: оба матроса не умели плавать.

— Как же это вы, морячки? — ахнул Андрей.

— Да так вот... не сподобились, — развел руками Завьялов, виновато объяснил: — Степные мы, к большой воде не привычные.

— Да ты не гляди, что пловцы мы аховые. Не-

бось бережок увидим — сразу сил прибавится, — перебил его Никушев. — А что? Дотянем как-нибудь. Нам бы только наверх выкарабкаться.

— К тому же и эта штуковина поможет, — Никушев щелкнул пальцами по заполненному воздухом дыхательному мешку. — При такой поддержке колун и тот не потонет.

Андрей задумался, покрутил головой:

— Нет, не гоже так. Мало ли что там, наверху. Может, шторм, а может, и фашисты поджидают. Сам пойду.

— Са-ам? — потерянно протянул Никушев. — А мы-то как же? Одни здесь... останемся?

— Почему одни? Вдвоем, — невесело пошутил Андрей.

Но шутку не приняли.

Завьялов, отвернувшись, сказал:

— И то правда. Иди, старшина. Иди. Ни к чему всем троим... Ни к чему.

Андрей до боли закусил губу.

— Вот, значит, как вы обо мне, о своем командире, о товарище? — медленно проговорил он. — Вас, выходит, брошу и шкуру свою кинусь спасать? Так?..

Матросы молчали. Андрей протянул в темноту руку, сжал локоть Завьялова.

— Я пойду. За помощью пойду, за лодкой. Только вы меня ждите. Как бы трудно ни было — ждите... Тебя это особо касается, Саня, слышишь? — добавил он после небольшой паузы, впервые назвав Никушева по имени.

— Слышу... чего уж тут, — глухо отозвался

матрос. — Иди. Будем ждать. До упора будем ждать, пока сил хватит...

Все дальнейшее происходило в полном молчании.

Андрей разделся, свернул одежду, аккуратной стопкой положил ее на одну из коек. Завьялов подал ему спасательный аппарат, помог пристегнуть лямки, Никушев принес пистолет. Проверив патроны в обойме, Андрей сунул пистолет за ремень снаряжения.

Когда все приготовления к выходу на поверхность были закончены, Андрей взял в руки буюк с пятидесятиметровой бухтой троса и полез в осушенный после выстрела торпедный аппарат. В трубе было сыро и пахло жженым порохом. Где-то рядом забулькала, зажурчала вода. Она прибывала медленно, вгрызаясь в тело ледяными шипами. Холод вначале сковал его, потом заставил корчиться. Быстро возросшее давление дикой, ни с чем не сравнимой болью сдавило голову. Нет, кажется, больше не выдержать!.. Но он выдержал и только сильнее впился зубами в резиновый загубник маски. Над головой слышались три глухих удара. Все в порядке, передняя крышка торпедного аппарата открыта. Он ответил на сигнал трижды, стукнув рукояткой пистолета по трубе, подождал немного и, двигая перед собой буюк, пополз вперед.

...Лодка осталась далеко внизу, и лишь тонкая ниточка буйрепа связывала теперь с ней Андрея.словно заведенная кукла, он перебирал руками, отсчитывая пройденный путь по узлам, навязанным на буйрепе. Делал короткие остановки для отдыха,

менял кислород в дыхательном мешке и снова двигался дальше. Где-то на середине пути буйреп резко рвануло и стало раскачивать из стороны в сторону, с каждым махом быстрее и быстрее. Вода подхватила, как соломинку, невесомое тело Андрея и подбросила кверху. Вцепившись обеими руками в буйреп, переплетя вокруг него ноги, он не дал выбросить себя на поверхность. Но размахи качки становились все резче и шире. Будто маятник, раскачивался в зыбкой бездне Андрей.

Последний отрезок подъема оказался самым трудным. Все внутри Андрея кричало: «Живее наверх — к воздуху, к свету!», а страх перед кессонной болезнью заставлял ползти по-черепаши, делать немыслимо долгие остановки для смены воздуха. Когда он с ужасом подумал, что конца его подъему, видно, не будет, пальцы проткнули тонкую пленку воды, и он почувствовал на них теплое дыхание ветра.

На поверхности была ночь. Небо закрывали рваные тучи, и только далеко, у самого горизонта, ярко мерцало несколько звезд. Не выпуская из рук буйрепа, Андрей перекрыл кран подачи кислорода и сбросил маску. От пьянящего воздуха у него закружилась голова.

Море было беспокойно. Буй с вцепившимся в него человеком то стремительно взлетал кверху, то скатывался к подножиям огромных валов. Сквозь просвет в тучах ненадолго глянула луна, и Андрей увидел берег. Черно-серая полоска земли звала, манила к себе. В посвисте ветра Андрею слышался то нежный, вкрадчивый, то громовый

голос. Он, этот голос, уговаривал, молил, приказывал: «Брось же этот проклятый буюк, Андрей. Ну, брось его! Берег не так уж далеко. Гляди, вот он...»

Волна накрыла Андрея с головой, повлекла вниз. Но море не хотело принимать его, оно выталкивало Андрея на поверхность, старалось оторвать руки от троса.

С вершины зыбкого водяного холма, куда его зашвырнуло вместе с буйком, он снова увидел берег. Сейчас земля показалась ему очень далекой, недостижимой. Грудь обожгло холодом. Так бывает зимой, когда, выйдя из жарко натопленной комнаты, глотнешь порцию морозного воздуха.

Нет, это не было страхом. Подобное чувство хорошо знакомо спортсменам и солдатам. Оно появляется у парашютиста перед броском с крыла самолета; его знают лыжники, готовящиеся к прыжку с трамплина, бегуны, ожидающие выстрела стартового пистолета, и бойцы, по сигналу командира поднимающиеся в штыковую атаку. Природа этого чувства сложна. Оно не может заставить человека отказаться от задуманного, но в то же время заставляет чаще биться сердце и быстрее гонит кровь по жилам; от него холодеют руки и вырастает упрямая решимость победить. Андрей был уверен, что доплывет; он не мог не доплыть. Так было нужно! И если бы волны были во сто крат яростней, а расстояние до берега втрое, впятеро больше, он все равно ринулся бы навстречу далекой полоске земли. Так было нужно!..

Не выпуская из рук буйрепа, Андрей лег на спину, чтобы отдохнуть и отрегулировать дыхание.

Потом перевернулся на грудь, с силой оттолкнулся от буйка и поплыл к берегу.

Он плыл размашистыми саженками, затем экономным брассом. Когда усталость и холод одолевали его, ложился на спину и, отдыхая, разминал вздувшиеся буграми мышцы на ногах. Ветер-береговик сбивал с направления, швырял в лицо пригоршни тяжелых брызг, волны мяли, тискали, избивали тело. Отфыркиваясь и отплевываясь, он клял и море, и ветер, и волны. Сколько он плывет — полчаса, час, два, — Андрей не знал. Тучи скрыли луну, и земля теперь едва различалась в темноте. Временами ему казалось, что потерял ориентировку, тогда со страхом ожидал он очередного вала, с вершины которого можно было рассмотреть берег. Но больше всего Андрей боялся, что его отнесет в сторону и потом он не сумеет отыскать буюк среди волн.

Он упрямо плыл к земле. Жесткие лямки аппарата глубоко врезались в плечи, кислородный баллон давил на ребра и грудь, затруднял дыхание. С каждой минутой движения Андрея были все медленнее, а остановки для отдыха — продолжительнее.

Берег пришел к нему неожиданно. Андрей так устал, что даже не обрадовался ему, а равнодушно подумал: «Вот и доплыл... Все-таки доплыл...»

Когда вода дошла ему до груди, он встал и заковылял по ослизлым камням к белопенной полосе прибоя. Подкравшаяся волна ударила его сзади, подмяла под себя, протащила волоком и схлынула, оставив неподвижное тело на песке.

Открыв глаза, Андрей перевернулся на спину и увидел перед собой черно-фиолетовое небо. На нем мерцали звезды. Они то разгорались — и тогда Андрею казалось, что звезды быстро приближаются к нему, — то снова затухали, постепенно отдаляясь, пока не исчезали за колышущейся, будто струящейся, дымкой.

Негромкий шелест в темноте заставил насторожиться: почудились чьи-то осторожные, крадущиеся шаги. Андрей рывком сел, едва не закричав от боли, и вытянул из-за пояса пистолет. Оглушительно щелкнул передернутый затвор. Вытянув шею, подавшись всем телом вперед, Андрей настороженно всматривался в черноту. Прошла минута, другая. Шум не повторился. Закусив губу, чтобы не стонать, Андрей попытался подняться, но руки не выдержали тяжести тела — он уткнулся в соленую жижу. Отталкиваясь израненными ногами от осыпающегося песка, пополз к едва заметной в ночи неровной линии дюн.

Под утро, когда небо тронули бледно-розовые краски, он набрел на одинокий домик между двумя плешивыми холмами. Одну из его обомшелых стен подпирала толстая неоструганная лесина. Перед крыльцом на врытых в землю столбах висели сети, в стороне виднелся сарайчик с соломенной крышей.

Андрей спустил предохранитель пистолета, на цыпочках подкрался к дому и заглянул в маленькое оконце. На кровати, спиной к окошку, лежал человек. Андрей обошел дом и, остановившись перед дверью, постучал. Послышалось шарканье ног

и стук откинутого крючка. Дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял высокий жилистый старик латыш в наброшенном на плечи пиджаке. При виде полуголого человека с пистолетом в руке он попятился. В глазах его, выцветших, с красными прожилками, всплеснулись удивление и страх.

Андрей заговорил, после каждого слова облизывая одеревеневшие губы:

— погоди ты. Не бойся. Свой я. Понимаешь, свой... — Вглядываясь в смуглое лицо старика, изборожденное морщинами, он повторил: — Свой, понимаешь?..

Глаза старика сторожко поблескивали из-под белесых лохматых бровей.

— Кто вы? Откуда? — спросил он с заметным акцентом.

— Я моряк с советской подлодки. Она погибла. Мне и моим товарищам нужна ваша помощь...

— Помощь? А это? — усмехнулся старик и выразительно кивнул на пистолет.

— Я не знал, кого здесь встречу. — Андрей сунул пистолет за ремень.

Старик посторонился, коротко бросил:

— Входите.

Тяжело ступая, Андрей прошел в комнату и опустился на скамью. Старик остался у двери. Прислонившись спиной к притолоке, он зябко кутался в рваный пиджак и выжидательно смотрел на пришельца.

Андрея клонило ко сну. Непосильная физическая и нервная нагрузка давала о себе знать.

В комнате он согрелся, и боль ушла куда-то в глубину истосковавшегося по отдыху тела. С трудом он начал говорить.

Оскар Целмсу — так звали хозяина хибарки — не понадобилось долгих объяснений. Вся его жизнь была связана с морем, он знал, что такое вовремя оказанная помощь. Выслушав Андрея, он подошел к окошку и толкнул раму. Створки распахнулись, впустив в комнату тяжелый переливчатый рокот волн. Старик слушал голос моря, как слушает звучание струн музыкант, настраивающий свою скрипку.

— Нав... Нет, — сказал он и покачал головой. — Море нельзя. Ветер...

Андрей не отозвался. Его глаза смотрели, не отрываясь, на солнечное пятно, медленно ползущее по стене.

— Ладно, старик, — не скоро, через силу произнес он. — Ладно. Лодку дай и весла, сам пойду. Товарищи меня ждут. Понимаешь, старик, товарищи?

— То-вар-ри-чи... — произнес по складам рыбак, склонив голову к плечу, будто прислушиваясь к этому слову, и вдруг круто повернулся от окна. — Хорошо, парень. Пойдем...

С момента ухода старшины прошло восемь часов, и каждый из них равнялся вечности. Вода уже подступила к настилу палубы и продолжала прибывать. Она поднималась предательски тихо, почти незаметно, вливаясь в отсек через разошед-

шиеся швы корпуса. Кислорода осталось совсем мало, да и то где-то у самого подволока. В отсеке было холодно и сыро, как в погребе. Звонкий перестук капель, ударявшихся о палубу, смешивался с натужным дыханием людей.

Завьялов и Никушев лежали на смежных койках, погруженные в черную вязкую пустоту, торопливо заглатывая прелый воздух. По их лицам струился пот. Едкая влага слипала ресницы, больно щипала глаза.

Они давно молчали. Время разговоров прошло: на их долю остались только думы, безрадостные и холодные, под стать окружавшей их зыбкой тьме. Они уже не вздрагивали при неожиданно громких ударах капли, перестав принимать их за вестников спасения, не прислушивались к угрожающему бульканью прибывающей воды. Это все было позади. Теперь с жизнью их связывали только не угасающие ни на минуту воспоминания и тоненькая, готовая вот-вот оборваться шелковинка надежды.

Никушев повернулся на спину. Влажное одеяло, которым он был укрыт, сбилось к ногам. Он не поправил его: не было ни сил, ни желания.

— Теперь все... Крышка... — сказал он в темноту и, не дождавшись ответа, закричал: — Ты слышишь, Завьялов? Слышишь? Не придет он!

Завьялов и на этот раз промолчал, только досадливо поморщился. Крик Никушева оборвал плавное течение мыслей. Воспоминания, вызванные с таким трудом, отодвинулись, подернулись туманом и пропали. На смену им снова пришла полная тревоги непроглядная темень и то знакомое по

дурным снам чувство, когда, не в силах крикнуть, летишь затаив дыхание в бездонную пропасть.

— Не дошел. Фашисты, видать, схватили, — продолжал бубнить над ухом ломкий голос Никушева. — А может, моря не одолел...

Завьялов через силу выдавил:

— Ничего с ним не случилось. Придет он.

В горле Никушева что-то забулькало, засвистело: не то он засмеялся, не то тяжело вздохнул.

— Нет, он придет, — убежденно повторил Завьялов. — Он через любое пройдет, наш старшина. Знаешь, какой это человек? Моряк он, коммунист.

— Море, оно с силушкой да без разума: ему, братишка, все одно какого ты чина-звания, — свистящим шепотом возразил Никушев. — Глотнет: бульк-бульк — и нет человека...

— Да замолчи, неугомонная душа! — прикрикнул на него Завьялов и с презрением будто выплюнул: — Сопля ты!

Никушев обиженно засопел и умолк.

Завьялов приподнялся на локте, встревоженно спросил:

— Ты чего?..

Никушев промолчал. Тогда Завьялов положил руку ему на плечо, легонько потряхнул.

— Не надо, Сашок. Не надо...

Никушев отвернулся и затих.

Прошел час, а может быть, и больше. Молчание было невыносимо Завьялову. Лучше бы Санек ругался, кричал! Но он только прерывисто дышит, отвернувшись к борту, и всхлипывает жалобно, как обиженный ребенок.

Безудержный гнев охватил Завьялова. Если бы он мог сейчас сразиться с теми, кто отнял у него товарищей, а теперь отбирает солнце, воздух, жизнь!

Он задыхался от ярости, не чувствуя боли в сжатых до хруста кулаках, не замечая, что губы сами шепчут проклятия.

...И снова они молча лежали в темноте, каждый наедине со своими трудными думами. Завьялов растирал грудь: ему казалось, что так дышится легче. Капли, срывавшиеся с подволока, барабанили по щекам, лбу, подбородку; он не отстранялся, они не мешали ему думать.

По молчаливому сговору оставшиеся в живых не говорили о погибших товарищах, однако не думать о них не могли. Была ли минута, когда Завьялов не вспоминал бы их? Те, кто ушел из жизни, незримо помогали долбить неподдающуюся крышку люка, готовили к выстрелу торпедный аппарат, участвовали во всех разговорах... Мелкие ссоры и досадные неурядицы напрочь стерлись в памяти, и Завьялов сейчас видел друзей только красивыми, веселыми, смелыми.

Мысль, что он никогда больше не увидит товарищей, что, быть может, и его ожидает та же участь, цепкими пальцами перехватила горло Завьялова. Он сел и спустил ноги с койки. Каждое движение стоило ему невероятных усилий: голова кружилась, в висках со звоном стучала кровь, руки были чужие, противно дрожащие.

В глубине отсека настороженными волчьими глазами поблескивали фосфоресцирующие таблич-

ки. Их мерцающий свет словно струился в темноте, излучая холод и тоску.

Завьялову вдруг почудилось, что он заплутался в зимнем лесу и топчется на одном месте, не находя дороги. Со всех сторон его обступают черные ели, угрожающе тянут к нему свои лапы. Воздух, холодный и сырой, пропитан тревогой, ожиданием неизбежной беды. Видение было таким отчетливым, ощутимым, что Завьялов даже поднес руку к лицу, чтобы растереть озябший подбородок.

«Э-э, так нельзя. Так и с ума свихнуться недолго! — одернул он себя. — Надо что-то придумать. Что-то придумать...»

Завьялов думал не только о себе, но и о Никушеве. В сравнении с этим юношей, почти мальчиком, надломленным горем, он, тридцатилетний, был неизмеримо опытнее и сильнее. Он никогда не имел детей, да, кажется, и не питал к ним особой любви, но сейчас любил и жалел Никушева, как родного сына. Да, да, не как брата или товарища по несчастью, а именно как родного сына. К этому чувству примешивалось и другое: он должен помочь Никушеву. Ведь он, Завьялов, сейчас командир. Пусть без нашивок, без рангов, без торжественного приказа — и все же командир. Его оставил за себя старшина. Только теперь он до конца понял, как это трудно быть старшим, а поняв, с благодарностью подумал о многих-многих старших, которые отдавали ему ум, знания, теплоту сердец.

Он сцепил пальцы и изо всех сил сжал ладонями разламывающийся затылок. Мозг работал

с лихорадочным напряжением, но мысли, вялые, непокорные, гасли, не успевая оформиться. Прошло немало минут, прежде чем он нашел решение. Рожденное житейским опытом рабочего человека, оно было удивительно простым. И сразу показалось, что в отсеке стало светлее и дышится легче.

— Вот что, Санек, — энергично сказал он, — сейчас спустимся на палубу, кой-какой работой займемся. Торпедный аппарат проверим. Поглядим, откуда вода вливается и как ее остановить. Потом ценное имущество поснимаем: ну там часы, глубиномер, еще какие ни то приборы...

Никушев молчал. Завьялов остановился, пожевал губами, с тревогой спросил:

— Ты что, не слышишь?

— Слышу, — глухо, будто из погреба, отозвался Никушев. — Ну и что?

Завьялов внутренне приготовился к отпору, к крику, но такого неприкрытого безразличия не ожидал. Он уговаривал товарища, убеждал, ругал на чем свет стоит, потом снова убеждал. Все было понапрасну: Никушев отмалчивался и только вздыхал жалобно и протяжно.

Руки сами сжались в кулаки. Завьялов с трудом сдержался, спрыгнул на палубу. Вода громко плеснула, залив ноги по щиколотку, но он не почувствовал ее обжигающего холода. Вытянулся в темноте и голосом твердым, командирским, крикнул:

— Краснофлотец Никушев, встать! Ко мне!

— Ну чего ты? Чего?.. Кто ты есть? — вяло проговорил Никушев. — Чего вопишь?

— Сейчас я твой командир. Выполняй приказ!
Завьялов побрел по воде в глубину отсека, к торпедному аппарату. За спиной у него раздалось кряхтение, вздох, потом плеск воды.

— Ну, чего делать-то, командир? — спросил плаксиво Никушев.

Не обращая внимания на его тон, Завьялов приказал:

— Проверьте клинкеты и сальники на переборке. Где можно, останавливайте течь...

Тот, не дослушав, повернулся и пошел обратно. Завьялов вернул его:

— Повторите приказание, товарищ краснофлотец!

На этот раз Никушев повиновался. От переборки слышались шелест, всплески. Никушев что-то зло шептал, затем спросил:

— Чем сальники-то затыкать?..

— подручными средствами, — не растерялся Завьялов. — Простыни примени.

Они работали молча: один боялся пожалуй, сорваться со взятого тона, другой вначале злился лютой злобой, кричал в уме обидные слова, но скоро поостыл, успокоился. Оба не верили в нужность своей работы и все же выполняли ее. Ледяная вода и недостаток кислорода изматывали их, однако в работе время шло быстрее, незаметнее, а главное — пропало ощущение беспомощности перед неотвратимым. Они часто отдыхали. Сидели, поджав под себя озябшие ноги. Чуть отогревшись, не сговариваясь, поднимались и снова шли в темноту.

Когда все, что наметил Завьялов, было сделано, они уложили снятые приборы на нижнюю койку, а сами забрались на верхнюю и улеглись, тесно прижавшись друг к дружке. Никушев дрожал, зубы его звонко цокали, выбивая дробь. Но он больше не стонал и не плакал.

— Умаялся, Санек? — спросил Завьялов.

Никушев заворочался.

— Покурить бы хоть напоследок.

— Ты это брось... «напоследок». Выберемся — натабачишься.

— Ладно уж, это я так, — согласился вдруг Никушев. — Табаку все одно ни крошки. — И насмешливо протянул: — А из тебя, Гриша, добрый бы командир...

Он не договорил, застыл с открытым ртом, весь подавшись к кормовой переборке.

— Что? — тихо спросил Завьялов. Не дождавшись ответа, закричал: — Что ты? Что?

— Он... пришел... — задыхаясь, прошептал Никушев.

Отбросив одеяло, они спрыгнули на палубу. Все их чувства были обострены до предела. Плеск воды, удары капли, стук собственного сердца болью отдавались в мозгу. Каждая его клетка протестовала против этой тяжелой, непереносимой пытки ожиданием.

Раздался шорох в торпедном аппарате, у самой переборки. Никушев упал на колени в воду, прижался ухом к трубе. В следующее мгновение он снова вскочил, разбрызгивая воду. Метнулся в глубину отсека, потом назад и, выкрикивая что

то неразборчивое, забарабанил кулаками по торпедному аппарату.

— Пришел! Ты понимаешь, пришел!.. — счастливо смеясь, повторял он. — Пришел!

Завьялов не без труда унял суетливо мечущегося товарища. Осушив торпедный аппарат, они открыли заднюю крышку и втащили в отсек обессиленного старшину.

Андрея качало из стороны в сторону. Он совсем забыл о том, что нужно выключить подачу кислорода, снять маску. Боли Андрей не чувствовал, но сильно кружилась голова и дышал он с присвистом и сопеньем. Завьялов и Никушев усадили его на нижнюю койку, помогли стянуть снаряжение. Он боялся свалиться от усталости в воду и потому, широко раскинув руки, вцепился в прикроватный брус.

Никушев подложил ему под спину подушку, набросил на плечи одеяло, Завьялов подал воды в кружке. Андрей слышал, как нетерпеливо переминаются оба с ноги на ногу, кажется, даже видел их ищущие глаза, однако долго еще не мог заставить себя произнести хотя бы слово.

— Еле отыскал вас, ребятки, — наконец заговорил он. — Штормит наверху, буйка совсем не видать. Спасибо, рыбак помог, латыш. На его лодке и пришли.

— Штормит? — тревожно переспросил Никушев.

— Потом. Вопросы потом, — отмахнулся Андрей. — Приготовиться к выходу на поверхность! Первым пойдет Завьялов. Я — замыкаю.

Перед тем как выпустить матросов на поверхность, он еще раз объяснил им порядок выхода и проверил спасательное снаряжение. Закончив свое короткое напутствие, прилепнул по спине Никушева:

— Давай, Саня!

Никушев вдруг порывисто обернулся, неловко облапил старшину и припал лохматой головой к его груди.

— Спасибо! Спасибо тебе, Андрей...

Когда Завьялов и Никушев выбрались в море, Андрей облегченно вздохнул и прилег на палубу, прямо в воду. Мысленно он поднимался вместе с товарищами по колеблющейся нити буйрепа. Лежать было неудобно, ныли натруженные мышцы, пряжка спасательного снаряжения впилась в бок, мешая дышать, но Андрей не шевелился, разметав по палубе руки и ноги. Источник, из которого он до сих пор черпал энергию, истощился. Сил почти не оставалось, а они были ему нужны, чтобы одному, без помощи товарищей, выйти на поверхность. Предстояло самому затопить отсек — уравнять давление в нем с забортным. Только тогда он сможет открыть одновременно обе крышки торпедного аппарата, не боясь, что море диким зверем ворвется сюда.

— Они уже наверху! — сказал вслух Андрей.

Собственный голос, прозвучавший неестественно громко, вывел его из оцепенения. По-стариковски кряхтя и охая, Андрей встал на ноги.

Чтобы открыть клапан затопления отсека, ему пришлось дважды нырять в трюм. Это отняло по-

следние силы. Боясь присесть хотя бы на секунду (он знал, что подняться уже не сможет), старшина прислонился спиной к торпедному аппарату и закрыл глаза.

Из трюма слышались бульканье и урчанье. Вода быстро прибывала. Когда она дошла Андрею до груди, он разъединил тяги и воротом открыл переднюю крышку торпедного аппарата. Теперь отсек соединился с морем. Вода поднялась Андрею до подбородка и застыла: дальше ее не пускала воздушная подушка, которая образовалась под подволом.

Андрей уперся в переборку и прижался лбом к мокрому металлу. Старшина плакал. Тяжкие мужские слезы скатывались по его щекам, едкой солью запекались на губах. Он прощался с товарищами, которых ему никогда уже не увидеть, не посидеть за чаркой, не перекинуться добрым словом, прощался с кораблем, который пять лет был ему родным домом. Здесь, среди друзей, пришло его трудное возмужание.

...На поверхности его встретили радостные крики товарищей. С их помощью он взобрался в лодку и, присев на банку рядом со стариком, подставил лицо жарким лучам солнца. Никушев и Завьялов взялись за весла.

Рыбацкая лодка медленно отдалялась от пляшущего в волнах ярко-красного буйка над погребенным навеки подводным кораблем. Глаза моряков были прикованы к алой точке. Лица их были суровы и губы сжаты, как у бойцов, принимающих присягу.

Последний взрыв

Перед сумерками на траверзе маяка Ужава подводная лодка погрузилась и легла на грунт. Так было предписано планом учения.

После ужина старшины не спешили покинуть кают-компанию. Дежурный собрал со стола посуду, переменял белую хрустящую скатерть на плюшевую и вышел из отсека. В кают-компании было тепло и уютно. На поверхности гнал крупную волну жестокий осенний норд-вест, а тут, в глубине моря, — спокойная тишина и ничто не напоминало о шторме.

Старшина рулевых мичман Юрий Васильевич Андреев откинулся на спинку кресла, оглядел притихших молодых моряков, сидевших в конце сто-

ла, и, усмехнувшись каким-то своим мыслям, сказал:

— Значит, вас интересует самый первый бой, в котором мне пришлось участвовать?.. Не люблю ворошить старое, да и рассказчик я аховый, но по глазам вашим вижу — так просто не выпустите. Что ж, слушайте, коли охота...

Юрий Васильевич пригладил ладонью русые, начавшие сесть на висках волосы. На лицо его словно наплыла тень. Между бровей резко обозначилась глубокая складка.

— Война застала нас в Либаве, — начал он после затянувшейся паузы. — Лодка, на которой я служил рулевым, ремонтировалась и стояла у заводского причала. Весь день и всю ночь фашистские самолеты бомбили город. Одни «юнкерсы» отбомбятся — другие летят, ноют над головами.

Уж как мы работали! Дни и ночи перемешались. Спали по часу, по два, прямо на палубе у механизмов, да и то когда валились с ног от усталости.

И все же сделать всего не смогли. Не успели. Стало известно: гитлеровские танки прорвались у Паланги и катят на город. Каждому ясно: оставаться в базе больше нельзя — с часу на час фашисты закроют выход в море.

Командир базы распорядился всем оставшимся в гавани кораблям, у которых исправны машины, прорываться на север — в Ригу и в Таллин. Корабли, которые не могли дать ход, приказал уничтожить. Подорвать своими руками...

Да разве они к такому приучены, наши руки?..

Вот эти? — Андреев положил на стол большие рабочие руки и горько усмехнулся. — Только и этому они в те дни научились — рушить то, что сделали сами.

Матросы взорвали в доке эсминец и подводную лодку, пустили на дно бухты два «морских охотника». Они плакали, когда губили свои корабли... Плакали и кляли фашистов. Боцман с эсминца перед тем, как бикфордов шнур поджечь, палубу целовал. Слезы по морщинам текут — не стирает. Однако сделали свое дело моряки. Надводники в сухопутную оборону подались, а экипаж со взорванной подлодки перешел к нам.

Мы собрали дизели, приняли боезапас для пушек, соляр. Торпед, однако, не грузили — аппараты все равно не действовали.

Хуже всего — лодка не могла погружаться. Электродвигатели были разобраны и вместе со станцией погружения и всплытия сгнули в разрушенном бомбами цехе завода. В общем осталось от лодки одно название — «подводная».

Из базы уходили за полночь, когда «юнкерсы» и «мессера» немного уgomонились.

Выбрались мы из порта и повернули на север. Командир приказал проложить курс на Таллин, распорядился дать полный ход.

Прошел час. Второй начался. Море штилевое. Ночь — чернее черного; только под самым берегом вода от зарева, словно кровь, густая, алая. В каждой водяной выбоинке перископы и мины мерещатся. Дизели стучат, что новые ходики.

Начало светать. С правого борта открылся маяк

Ужава — три лесистые горушки, и между ними башенка белая. Штурман обрадовался: «До мыса рукой подать. Уж теперь-то...» И досказать не успел, командир как закричит: «Воздушная тревога!» Глядим, от берега самолет летит: мы его «рамой» окрестили. Не долетая до нас, отвернула та «рама» и сторонкой снова к берегу подалась. Комендоры у пушек аж пританцовывают. Однако командир стрелять не велел. «С такой дистанции попадем ли, нет, а так, может, «рама» нас вовсе и не заметила».

Только глазастый фриц нам на беду попался. Получаса не прошло, как из-за горизонта показались торпедные катера.

Наши комендоры открыли огонь. Первый залп — недолет. Второй и третий — за катерами. Но уж четвертый пришелся впору. Один катер на куски развалился, еще два — задымили, перестали стрелять. Ну, думаем, отобьемся...

Только разве управишься с такой сворой! Их еще семь осталось. Вертятся, как блохи, с разных концов налетают. У них и пушки скорострельные, и пулеметы, и торпеды. А у нас одно спасение — маневрировать.

Вот уж когда наш командир себя показал. То вправо, то влево лодку бросит, то застопорит ход, а то сразу как рванет с места...

Много у нас народу фашисты покосили. Убьют комендора, ему на смену матросы и старшины из второго экипажа становятся — мотористы, электрики, трюмные.

Как ни бились мы, все же удалось одному фа-

шистскому отчаюге к нам подобраться. Увидел я пузырьчатые дорожки на воде, крикнул командиру: «Торпеды!» Но было поздно.

Взрывом меня оглушило и швырнуло на палубу. Когда очнулся, вскочил на ноги, снова вскарабкался на свое место сигнальщика. И вижу: корма лодки под водой, нос задрался кверху. Всех, кто находился на кормовой надстройке, взрывной волной снесло за борт. Пушка с обломанным стволом валяется поперек палубы. Дизели остановились, и ветер медленно разворачивает нас поперек волн.

Катера прекратили стрельбу. Видно, решили, что на нас теперь и снарядов не стоит тратить.

— Тепленьких хотят взять, — с ненавистью сказал командир.

Он покачнулся, обеими руками схватился за голову. Я подумал: «Сейчас упадет», — бросился к нему. Командир отстранил меня. С минуту он стоял, сгорбив плечи, покачиваясь из стороны в сторону. Потом приказал:

— Запросите центральный пост: как у них там?

Из центрального поста ответили: кормовые отсеки затоплены, люди в них погибли, лодка продержится на плаву еще от силы пять-восемь минут. Командир наклонился над люком и крикнул им вниз:

— Нужно продержаться четверть часа. Слышите? Четверть часа!

Из центрального поста не ответили. Командир опять пошатнулся. Щеки у него стали белее снега. Он рванул ворот кителя и снова крикнул:

— Четверть часа!.. Ясно?!

Снизу, наконец, отозвались. Я узнал голос механика:

— Есть четверть часа! Продержимся...

Командир приказал позвать мичмана Грома. Мичман — наш парторг.

Я не понимал, что он задумал, как можно продержаться, если у лодки начисто оторвана корма, не работают помпы и море свободно вливается в отсеки через пробоины. Я вообще мало чего понимал: смотрел на близкий берег, на мечущиеся катера, на командира...

Мичман Гром вылез из люка до пояса, дальше подниматься не стал. Он был перемазан в соляре, из полуоторванного рукава его кителя торчали рыжие клочья слежавшейся ваты.

— Как там? — командир ткнул пальцем в круг люка.

Мичман затряс головой.

— Говорите громче, не слышу.

Командир нагнулся к нему и почти криком повторил вопрос. Гром махнул рукой.

— Плохо. Мало нас осталось. Вода быстро прибывает.

Командир закусил губу. Пальцы его сжались в кулаки.

— У вас все готово?

— Нужно еще минут десять. Присоединяем шнур.

— А если он не сработает?

Мичман молча отвернул полу кителя. Из-за пояса у него торчали две ручные гранаты.

— Как запалы?
— Вставлены.
— Спички?
Гром похлопал по нагрудному карману кителя.
— С матросами говорил?
— Да.
— Ну?
— Они — как и мы. Колеблющихся нет.
— Ясно. По готовности доложите и ждите мою команду... — Командир помедлил. — Если я не смогу, он подаст, — и показал на меня.

Я, наконец, все понял.
Стояла тишина. Гитлеровские катера заглушили моторы и болтались на волнах в отдалении. Где-то на берегу пророкотал взрыв, и над холмами позади маяка поднялось черное пушистое облако. Изредка с катеров взлетали ракеты: красные, зеленые, белые.

Но вот фашисты не выдержали. От их группы отделились два катера. Они приближались, петляя по-заячьи, и по всему было видно, еще боялись нас. На мачте ближнего катера подняли сигнал.

Командир спросил:
— Чего они хотят, эти жабы?
Фашисты по международному своду сигналов требовали: «Сдавайтесь, иначе открываем огонь».
Командир пожевал губами, усмехнулся:
— Приятный разговор. Поднимите им: «Ваш сигнал не могу разобрать».

Я удивился. К чему тут разговоры! Но приказ... Готовлю флаги. А командир снова:
— И не спешите. Нам торопиться некуда...

Набрал я сигнал, поднял, а те сейчас же в ответ: «Спустите свой флаг» и, конечно, опять: «Иначе открываем огонь».

В это время из люка показался мичман Гром. Он сказал всего одно слово:

— Готовы.

Командир не ответил. Вытянул из кармана кожанки пачку «Беломора», щелкнул пальцем по донышку. Потом протянул пачку Грому. Тот грустно улыбнулся.

— Прежде не научился, а теперь уж вроде поздно... Впрочем, давайте, — махнул он рукой и потянулся к пачке.

Командир прикурил и подал горящую спичку мичману. Они присели на корточки возле люка.

Когда папироса была выкурена, командир аккуратно затушил ее о подошву ботинка, хотел швырнуть за борт, но передумал, сунул в спичечный коробок.

— Другого выхода у нас нет, — сказал командир.

Мичман кивнул.

— Знаю... Разрешите идти?

— Иди, — сказал командир и отвернулся. Стал смотреть на море.

И снова мы с командиром остались вдвоем. Он молчал. Привалившись спиной к тумбе перископа, смотрел на болтавшиеся вдали катера. Но вот он пошевелился, что-то сказал мне. Я не расслышал, попросил повторить. Он показал рукой на восток.

Над берегом всходило солнце. Его зазубренный

край уже поднялся над холмами, и все вокруг словно ожило. Сразу стало теплее.

Командир зажмурился. Мне показалось, что он застонал. Но спустя секунду я услышал его бесстрастный голос:

— Андреев, замените флаг на парадный.

Я уставился на него.

— Но для этого нужно спустить старый флаг, а фашисты подумают...

Он не дал мне закончить:

— Какое нам дело до них?! — И приказал: — Заменяйте.

Вынув из сигнальной ячейки новый флаг, я пошел к флагштоку. Флаг был огромный, шелковый. Мы берегли его и поднимали только по праздникам.

Я спустил наш старый, разлохматившийся по краям флаг и стал привязывать к фалу новый. Командир крикнул:

— Не торопись, сказано было!

На торпедных катерах засуетились. Головной катер дал ход. Следом за ним двинулись еще три. У нас за кормой они разделились на пары и стали подходить к правому и левому бортам лодки. На их мостиках и палубах было людно. Уже можно было разглядеть лица.

Я посмотрел на командира. Он вытянулся, левую руку сунул в карман, правую — за борт кожанки.

Обернулся ко мне, словно мой взгляд почуял. Наши глаза встретились. Он покачал головой —

дескать, «все в порядке» — и снова повернулся к фашистам.

Лодка вздрогнула, застонало железо. То причалили катера.

Командир взял руку под козырек и торжественно, как на утреннем подъеме флага, скомандовал: — Военно-морской флаг поднять!

Я потянул за фал. У вершины флагштока ветер подхватил и рывком развернул полотнище. словно белокрылая чайка, взметнулось оно над морем.

Гитлеровцы, хохоча, посыпали к нам на палубу. На мостике показался первый... Это был офицер. Он тяжело дышал, сизое, без кровинки лицо его было потно, ко лбу прилипли спутанные волосы. Фашист что-то кричал, широко разевая рот.

Когда он поднялся над мостиком по пояс, командир шагнул ему навстречу и выбросил вперед руку с пистолетом. Осечка! Тогда командир размахнулся и что было сил швырнул пистолет в физиономию офицера. Тот всплеснул руками и, увлекая поднимавшихся следом за ним, полетел с трапа за борт.

Командир подскочил к люку и крикнул:

— Смерть фашистам! За Ро...

В глубине лодки ахнуло. Из люка вырвался раскаленный воздух и огонь. Палуба под ногами вспучилась, поднялась дыбом...

Юрий Васильевич откинулся на спинку кресла и провел ладонями по лицу, будто хотел стереть то страшное, что стояло сейчас перед его глазами.

Кто-то спросил тихо:

— А дальше?..

— Ничего не помню, — покачал головой Андреев. — Меня подобрала краснофлотцы-сигнальщики, их пост на маяке был. Они видели наш бой. Только один вражеский катер и успел отскочить от лодки. Два разнесло в щепки, а третий так изуродовало, что гитлеровцы сами затопили его — видно, не надеялись довести на буксире до своей базы.

— Ну, а потом? Потом что было? — перегнулся через стол молоденький старшина-оператор.

— Потом? Добрался до базы, получил назначение на другую лодку и продолжал воевать, — просто ответил Андреев.

Он взглянул на часы, хмыкнул и, поднимаясь, сказал:

— Засиделись, однако. В пять тридцать всплывать...

Романтики

Нос подводной лодки зарылся глубоко в воду. Волна с завитками пены на гребне взобралась на палубу, пробежала по ней и, гулко ударившись о рубку, обдала брызгами всех, кто находился на мостике.

— Остров справа сорок! — выпалил сигнальщик, протянув руку к багряному зареву на горизонте.

Федосов, командир лодки, довольно крякнул, вытер большим платком мокрое лицо и поднес к глазам бинокль.

— Верно. Он самый!

Туман рассеялся, и теперь открылся весь горизонт. В ярко-оранжевом мареве виднелись сопки

острова Четырех ветров. Облака, повисшие шапкой над их зубцами, налились багрянцем.

Солнце медленно погрузилось в океан, и тотчас колеблющиеся розовые полосы, пробежавшие по воде, поблекли и стерлись. Смеркалось. В небе одна за другой загорались звезды.

Лейтенант Карпухин не удержался, воскликнул: — Красота какая, а?!

На его круглом веснушчатом лице в этот миг отразились и восторг и изумление. Скоро полгода службы Карпухина на Тихом океане, а он не перестает удивляться сказочно буйной мощи природы. Нет, не видал он на Черном море, где плавал прежде, таких восходов и закатов.

— Красота — это верно, только проку от нее не будет, — грубовато ответил Федосов. Он повернулся спиной к ветру, ловко прикурил папиросу и пояснил: — Шторм идет.

Карпухин огляделся, пожал плечами. Ничто: ни небо, ни море — не говорило о близкой буре. Легкий бриз обдувал лицо. Выходила луна, и темно-синее звездное небо подсвечивалось ее мирным сиянием.

Федосов перехватил откровенно недоверчивый взгляд лейтенанта и усмехнулся. Как расскажешь о десятках мельчайших признаков приближающейся непогоды? С ними знакомит опыт и только опыт. Впрочем, и барометр показывает бурю и метеостанция передала уже штормовое предупреждение.

— Если начнется шторм, уйдем под воду, и все дела, — улыбнулся Карпухин. — И пусть себе гудит наверху.

Командир поджал губы, сказал строго:

— Под воду нельзя. Приказ: занять точку залпа в надводном положении.

Обведя биноклем горизонт, Федосов приказал:

— Передайте старпому, чтобы проверил крепление грузов по-штормовому. Сами пройдите с ним по отсекам.

Карпухин, застучав по балясинам трапа, исчез в рубочном люке и через несколько минут отправился со старшим помощником командира по всем помещениям лодки. На обратном пути он заглянул в четвертый отсек: его внимание привлек бас Бурова, любителя поговорить на самые разные темы.

Сейчас этот матрос, коренастый, широколобый, с насмешливыми озорными глазами, посмеивался над своим приятелем Тарасом Ткачом, планшетистом станции наведения и признанным корабельным поэтом. Маленький подвижной Ткач ерзал на скамье, всплескивал руками, иронически хмыкал, слушая утверждения Бурова, будто в век атома и ракет нет места для героизма рядовых людей. Все предусмотрено всемогущей наукой и зоркой техникой безопасности, все разложено по полочкам, записано в инструкциях, и человеку остается одно — нажимай в срок нужные кнопки. Какое уж тут геройство!

— Загибаешь, Володька! — Ткач пристукнул кулаком по столу. — Сейчас хоть и мирные дни, а многие, как в Отечественную войну...

— Ого! — засмеялся Буров. — Это сейчас-то?

— А что? Не только, как ты говоришь, космо-

навты, пограничники или летчики героизм проявляют...

— Кто же еще, Тарасик? Может, романтики в мечтаниях? Или поэты?

— Зачем ты так?! — возмутился Ткач. — А подвиг паровозного машиниста? Сотни людей спас, жизнью рисковал для них.

— Или полярники? — поддержал Ткача старшина радиометристов.

— То все дела исключительные, редкие случаи, — не сдавался Буров.

Ткач упрямо нагнул голову.

— Ох, кокетничаешь ты! Сам не веришь своим словам.

Буров вприщур глянул на него:

— Это и есть твои факты?

— Да фактов хоть отбавляй, — обозлился Ткач. — Разве не геройство, когда токарь, как ты говоришь, «простой работяга», дает за смену три дневные нормы?.. А Надежду Загладу возьми... Или Валентину Гаганову — тоже простые люди, обычные...

Буров, словно защищаясь от натиска, выставил перед грудью ладони.

— А ты Цицерон! — начал он шутливо и с горячностью зачастил: — Я и сам по две нормы на ЗИЛе давал. Придумал одно приспособленье к своему фрезерному — и за милую душу давал. И чего ж тут особенного? Разве это высота для настоящего геройства? Обычная работа.

— Так уж и обычная? — вмешался Карпухин, внимательно следивший за словесным поединком

товарищей. — Может, коллектив у вас был скучный, товарищ Буров?

— Это у нас-то? На ЗИЛе? — взвился Буров. — Коллектив — на пять с плюсом! К примеру, машину мы новую на конвейер ставили. Предложений разных было — не сосчитать. А нам деталька попалась «высшей степени трудности», как говорил Пал Антоныч, наш мастер. Три ночи с дружками не спали, бумаги пропасть извели на схемы и чертежи, а все же додумались...

— До чего? — съязвил Тарас.

— Две нормы с лишком стали давать и красные флажки над нашими станками повесили... Но все это не то, товарищ лейтенант, — спохватился Буров. — Я и насчет нашей службы скажу. Разрешите?

Карпухин кивнул.

— Тут некоторые военные себя капитанами Немо воображают, о черной океанской бездне и единоборстве с тайфунами стишки кропают, обо всяких морских опасностях и прочей романтике. А где они, эти опасности? Третий год служу и что-то не замечал. Кругом техника. Тут тебе и электроника, и радиолокация, и гидроакустика. У меня вон даже станция сама себя защищает от опасности. Будто ящерица, которая отбрасывает хвост, чтобы спасти жизнь, мигом отключает поврежденные блоки... А тайфуны и штормы?! Да теперешнему кораблю — ну хотя бы взять наш, — что ему шторм или ураган? Ерунда!

Вдруг в репродукторе корабельной трансляции что-то забулькало, щелкнуло несколько раз,

и в притихшем отсеке раздался строгий голос старпома:

— Заступающим на вахту приготовиться! Заступающим на вахту...

Матросы торопливо расходились по своим отсекам.

Ветер стих, и море разгладилось, точно его проутюжили гигантским катком. После нескольких дней непогоды внезапная тишина казалась зловещей. Высоко в небе повис серп ущербной луны, и в его рассеянном зеленом свете все выглядело фантастическим: и ленивое море, и серебристый корпус подводной лодки, и люди в блестящих плащах на мостике.

Карпухин подошел к командиру, неожиданно для себя шепотом спросил:

— Близко?

Федосов показал на треугольную тучу, вылезавшую из-за горизонта навстречу лодке.

— Теперь близко. Идет шторм. Эта тучка и несет его на своей хребтине.

— Потому и затишье?

— Да. Перед циклоном ветер здесь всегда стихает.

— Зато потом разгуляется похлестче вашей черноморской боры, — добавил штурман, укладывая в коробку секстан, которым только что целился в звезды. — Сменяй-ка меня, брат, пока не загремело.

Карпухин принял у штурмана вахту, и тот после доклада командиру спустился вниз.

Туча быстро приближалась. Все молча глядели

на море. Тишина угнетала. Но вот почти неподвижную воду подернула рябь. Ровная линия горизонта изломалась. Потянуло холодом. Тучи заслонили луну. Ветер нарастал с каждой минутой, и через четверть часа легкий бриз превратился в ураган. Вокруг подводной лодки заплясали черные лохматые волны. Они с яростным шипеньем обрушивались на борта, креня корабль то вправо, то влево.

Размахи качки были так велики, что Карпухину казалось: вытяни руку — и она коснется воды, ярко-зеленой или кроваво-красной от света ходовых огней. Вой ветра и грохот океана, сплетаясь, глушили все звуки.

Федосов стоял под козырьком ограждения рубки, широко расставив ноги и прочно обхватив руками компасную тумбу. Коренастый, плечистый, он будто врос в палубу. По лицу его, иссеченному ветром, блуждала задумчивая улыбка. Замполит Семин напряженно глядел в прямоугольное оконце. За стеклом бурлили водовороты; белая пена временами скрывала всю носовую надстройку. Преодолевая вой ветра, Семин крикнул в ухо Федосову:

— О чем задумался, командир?

Федосов вынул изо рта изжеванную погасшую папиросу, повертел перед глазами и швырнул за борт.

— О шторме думаю. Без пользы пропадает такая силища. Турбины бы ей вертеть!

— Не опоздаем? Может, увеличим ход? — снова крикнул Семин.

Федосов отрицательно помотал головой.

— Не должны. Если и дальше пойдем этим ходом, выйдем в точку около часу ночи. Четыре часа имеем в запасе. В общем времени хватит.

...Но времени не хватило! Случилось одно из непредвиденных, досадных происшествий, без которых и нужно бы, да не всегда возможно обойтись в морской службе. Волна, сорвав крепления, смыла за борт аварийно-сигнальный буй. Размотав трехсотметровый трос, буй поплавком прыгал за кормой, ежеминутно угрожая попасть под винты.

Федосов клял себя, что не послушался совета Семина. Дай он больший ход, лодка была бы уже вблизи точки залпа, и оставалось бы время для возни с бумом. Но что толку в упреках, когда надо действовать!

Первым побуждением Федосова было застопорить двигатели и вызвать несколько человек на палубу для подъема бум. Однако он сразу же отказался от этой мысли. Лишаясь хода, лодка лишалась и управления, любая крупная волна развернула бы ее лагом, а тогда... Что могло произойти тогда, Федосов знал прекрасно: недаром получал пятерки на занятиях по остойчивости и непотопляемости корабля.

«Обрубить буй — и дело с концом! Тогда учение не провалим, успеем выпустить ракеты, — подумал он. — А что? Объясню: дескать, не хотел рисковать людьми, кораблем. Кто осудит?..» Но доводы эти почему-то не убеждали. «А как быть с твоим же собственным девизом: в мирные дни обучать людей тому, что нужно на войне?!. И по-

том буй — это деньги, большие государственные деньги...» Федосов огорченно рубанул кулаком воздух. «Нет, видно, никуда не денешься: придется поднимать окаянный буй!»

— Надо поднимать его поживей, иначе нельзя, — произнес замполит, словно отгадав мысли командира.

Федосов показал на кормовую надстройку.

— Видишь, что делается?

— Вижу. Так у нас моряки добрые, не подведут. Пускай силы проверят... Сколько человек вызовешь? — спросил он, очевидно считая вопрос решенным.

Командир ответил не сразу.

— Четырех хватит, иначе будут мешать друг другу. Я разверну корабль носом на волну и постараюсь удерживать его машинами в таком положении.

Лодка упорно пробиралась среди громоздящихся друг на друга валов. Ее жестоко швыряло из стороны в сторону. Она то ныряла, сшибая гребни волн, то вдруг замирала на месте, столкнувшись с непреодолимой стеной воды, то стремительно мчалась вверх, дрожа всем корпусом.

Карпухин промок до нитки. Исхлестанное брызгами лицо горело, глаза покраснели и слезились. А ветер все неистовствовал во тьме, и Карпухину временами казалось, будто весь мир затопила черная пучина. Краем уха он слышал разговор командира с Семиным, слышал приказ вызвать на мостик матросов и боцмана.

Боцман и трое матросов, назначенных работать

с бумом, поднялись на мостик. Они были похожи на древних рыцарей в своих распираемых воздухом спасательных жилетах. Федосов сам инструктировал их. Он кричал, но шум океана заставлял по нескольку раз повторять каждую фразу.

— Работа опасная, — сказал он в заключение, — кто в себе не уверен — заменим.

Все промолчали.

— Коли так, приступайте!

Карпухину стало не по себе. Как же в таком деле он оказывается в стороне? Еще подумают, что он трусит.

— Разрешите? — обратился он к командиру. — Позвольте и мне с ними.

Федосов пожевал губами, вытянул из кармана носовой платок, принялся сосредоточенно вытирать руки. Карпухин затаил дыхание. Он не видел вокруг себя ничего — только испытующие глаза командира.

— Хорошо, пойдете старшим. Боцман останется здесь.

Покуда лейтенант облачался в спасательный жилет, матросы спустились в ограждение рубки. Командир разрешил им курить. Неяркий огонек на миг осветил лица моряков и погас, задутый ветром. Они стояли на трапе, круто спускавшемся в темноту, и Ткачу представлялось, что трап уходит прямо в море.

Стоявший рядом с ним Буров после третьей попытки зажечь спичку с проклятием выплюнул измочаленную папиросу.

— Ты чего? — наклонился к нему Ткач.

— Ветер, будь он неладен! Не прикурить...

Ткач обхватил его за плечи, прокричал в самое ухо:

— А ты говоришь: нет романтики. Вот она, гляди, экая силища!

Послышался голос Карпухина: «Спускайтесь, товарищи!» — и сразу стало не до разговоров.

Карпухин выглядывал в приотворенную дверцу ограждения рубки, выжидая момент, когда можно будет выскочить на палубу. Надстройку заливало: конца ее не было видно — он терялся где-то в темноте, сливаясь с морем. Кормовой отличительный огонь бледным полукружием улегся на палубе за рубкой. За ним была плотная черная стена ночи. Лодка вздрагивала и стонала, словно жаловалась на разъяренное море.

«И чего мешкаю!» — обругал себя Карпухин. В эту минуту узкий прожекторный луч с мостика заплясал на палубе. Сердце у Карпухина сжалось на миг, дыхание перехватило. Но он пересилил себя, выкрикнул:

— Пошли! — и, протиснувшись в узкую дверцу, бросился вперед, к серебряной струне леера.

Буров и третий матрос, Снитко, последовали за ним. Ткач на секунду замешкался в двери — путь ему преградила волна, ударила в грудь, отбросила к противоположному борту. Кряхтя и выплевывая соленую воду, Тарас встал на ноги и упрямо шагнул к двери.

Первые минуты работы были распланированы еще на мостике. Привязавшись к лееру, они осмотрели пустое гнездо буя. Из его середины, то натя-

гиваясь, то снова ослабевающая, за борт уходил буйреп — стальной трос в резиновой оплетке. Резьба крепления буя была сорвана, значит, установить его на прежнее место после подъема не удастся.

— На палубе придется крепить, — подал голос Буров.

— Точно, — прикинув, согласился Карпу-

хин. — Трос выбирать по моей команде. Всем глядеть в оба! Начинаем!

Прожекторный луч был заполнен искрящимися брызгами; за его резко очерченными краями плотно смыкалась тьма и выл, бесновался океан.

Федосов и Семин стояли в кормовой части мостика. Они были похожи сейчас друг на друга, командир корабля и замполит. Оба кряжистые, в черных клеенчатых плащах с островерхими капюшонами, ноги прилипли к палубе, побелевшие пальцы стискивают поручень. Оба со все возрастающей тревогой ловили каждое движение трудившихся на палубе людей. Сверху те казались маленькими и слабыми.

Буй, огромный, четырехсоткилограммовый поплавок, мотался в ночи, с трудом подаваясь усилиям моряков. Каждый метр выбранного на борт троса доставался им нечеловеческим трудом. Правда, когда командир стопорил двигатели, буйреп чуть провисал и его легче было вытаскивать. Но стоять долго без хода нельзя: лодку разворачивало бортом к волне.

То на коленях, то ложась плашмя, то балансируя на скользкой неустойчивой палубе, люди укладывали трос метр за метром. Работали молча: опасность и тяжкий труд вызывали у них одинаковые мысли и действия.

Когда в гнезде набралось уже более двухсот метров троса, предательская волна разрушила всю их работу. Незаметно подкравшись, она закружила людей, расшвыряла в разные стороны, а трос выбросила из гнезда.

Пришлось все начать сызнова.

— Взялись, хлопцы! — сказал Карпухин, и четыре пары рук снова вцепились в скользкий, неподатливый буйреп.

Но это было не единственное их испытание. Трижды набрасывался рычащим зверем океан, трижды они начинали работу сначала. В последний раз трос вырвался у них из рук, когда буй был совсем рядом и гулко колотился о борт лодки.

Ткачу никогда не забыть этой черной волны. Она невероятно долго висела над их головами, потом рухнула на палубу и покатилась по ней с грохотом горного обвала. «Полундра!» — слышался чей-то вопль. Ткач так и не понял, сам ли он это кричал или кто-то из товарищей. Волна сшибла его с ног и повлекла за собой. Линь, которым он привязался к лееру, лопнул. Оглушенный, полузадохшийся, Ткач катился вместе с подмывшей его волной, тщетно силясь за что-нибудь ухватиться. Последнее, что он увидел, было неестественно белое в прожекторном луче лицо метнувшегося к нему человека...

Пришел в себя он не скоро. Отсек был ярко освещен. В глубине у станции пуска ракет смутно темнели фигуры людей. «Боевая тревога, — понял Тарас. — Значит, успели в точку!» Он скосил глаза. Подле койки на низеньком складном табурете сидел корабельный врач Ефремов. Капля, сорвавшаяся с подволока, упала на щеку, заставив Тараса вздрогнуть. Он попытался подняться. Ефремов остановил его:

— Очнулся наконец? Лежите, Ткач, лежите!

Вытащили вы этот чертов буй. Все вернулись. Лежите.

— А меня кто?..

Ефремов понял его, кивнул в сторону станции управления:

— Он.

У пульта станции сидел Буров. Пальцы его лежали на кнопках пуска ракет. Лицо матроса было сурово. Такие лица, полные решимости и гордого достоинства, Тарас видел на плакатах времен Отечественной войны. Почувствовав на себе взгляд товарища, Буров оглянулся и приветственно качнул головой. Губы его растянулись в улыбку.

«Чудак этот Буров... Бурище! Сколько хорошего натворил, а ведь опять на своем стоять будет. А что, непременно будет! Он упрямый», — смежив веки, подумал Тарас.

Резкий звонок зазвенел в отсеке, и вслед за звонком — командирский голос из репродуктора:

— Ракеты... товсьсь!.. Пуск!..

На мгновение все смешалось: шипение сжатого воздуха, команды, шум механизмов... А потом приглушенный возглас Бунова:

— Ракеты вышли!

Ткач, широко открыв глаза, смотрел перед собой и думал о том, что когда-нибудь обязательно напишет поэму об этих замечательных людях, своих друзьях, о настороженной тишине перед залпом и седом океане, покоряющемся только отважным.

Операция „Мир“

Киносеанс заканчивался. На экране — кульминация. Шепот и шорохи в отсеке разом оборвались. Мужественный парень Вася протянул руки любимой: «Значит, вместе? Навсегда?..» Взор симпатичной девушки Светы затуманился, губы дрогнули, красиво разомкнулись... И тут из лодочного репродуктора грянул знакомый старпомовский бас, густой, как в бочку:

— Боевая тревога!.. Боевая тревога!..

Ослепляя, вспыхивает свет. Экран свертывается в тугой рулон и уползает кверху. Какое-то время мы еще сидим; у нас ошеломленные лица. Тревожная дробь звонков подстегивает. Мы вскакиваем с мест и, теснясь, бросаемся к выходам. Отсек быстро пустеет.

Я выскакиваю за дверь первым, даже раньше моряков. Пулей проношусь через пустынный еще и полутемный ракетный отсек, на миг задерживаюсь в реакторном, чтобы пропустить бегущих навстречу подводников, ныряю в круглую с массивной литой крышкой дверь и оказываюсь в центральном посту.

Мое место тут — между командным пунктом штурмана, окруженным несметным множеством приборов, и пультом управления подводной лодкой. Сюда по всем тревогам я обязан, «захватив ноги в руки», бежать «быстрее лани» — так приказал старший помощник командира Никитин, старпом, как его для краткости все здесь зовут.

Мы, научные сотрудники океанографического института, — Кеша Лысов и я — в первый же день плавания на подводном атомоходе «Пионер» увидели свои фамилии на доске корабельных приказов. Не без удивления читаю:

— «Приказ... Расписание по тревогам... Океанолог Лысов — кают-компания...»

— «Биолог Ведерников — центральный пост...» — продолжает Иннокентий и хмыкает: — Это уж явно по блату.

— Чего-то непонятно. Люди мы штатские, и на тебе — приказы, расписания, — говорю я.

— Все правильно, старик, — смеется Иннокентий. — На боевом корабле ни один индивидуум не должен болтаться без дела. Уж я-то знаю...

И я умолкаю. Иннокентий для меня авторитет во всем, что касается моря вообще и подводных лодок в частности. Во-первых, он океанолог,

а во-вторых, дважды плавал (он, конечно, говорит «ходил») в Атлантику на знаменитой «Северянке». Ну и еще есть у него эдакое сибиряцкое: отрубит — и баста. И не веришь — поверишь.

Определенных мест и обязанностей в приказе нам не определено, сказано только: «По назначению командира отсека». Меня мой командир отсека привел в закуток между штурманским столом и пультом, очень серьезно объявил: «Будете находиться тут. Кстати, самое лучшее место в отсеке», — и ушел. Даже не улыбнулся. Я, конечно, понимаю: место как место, лишь бы никому не мешал. Но обиды нет — из моего закутка весь центральный пост как на ладони.

Сейчас он гудит потревоженным ульем. Из отсеков поступают доклады о готовности боевых постов, ровно стрекочут приборы, мерцают зеленым неземным светом экраны, перемигиваются красные, желтые, синие лампочки на пультах.

Это не первая моя тревога за полтора месяца плавания в океане, но я слежу за всем с не меньшим интересом, чем в первый раз. В армии я не служил, на боевых кораблях до этого не бывал, и потому многое здесь вначале мне казалось необычным. Ночь-за полночь, боевая тревога — все несутся стремглав на свои посты. Командир приказывает: «Противник справа тридцать! Это крейсера и авианосец. Изготовиться к ракетному залпу!...», и так далее. Всем известно: океан гол, как коленка, какие уж там крейсера... Но действуют моряки на полном серьезе, и глаза у них такие, будто крейсера эти и впрямь под боком.

Однажды в носовом отсеке вижу за пультом центрального автомата торпедной стрельбы Володю Острцова, старшину, очень симпатичного мне паренька. Меня он не замечает. Сам себе команды подает, сам на них отвечает, крутит ручки, включает тумблеры. Физиономия у него сосредоточенная, губы сжаты, будто в атаку идет. Подхожу, спрашиваю: «Все тренируешься?» Отвечает: «Операция одна никак быстро не получается, кот ее задери!» — «И не надоело?» — интересуюсь. В Володиных глазах дикое изумление, потом — насмешка, а у меня сразу пропадает охота задавать дурацкие вопросы...

Отгремели колокола громкого боя. Личный состав занял боевые посты.

Справа от меня, перед пультом управления лодкой, стоит Крамцов, инженер-механик «Пионера». Он худой, длинноногий, с высоким сократовским лбом и ранними залысинами. У пульта, спиной ко мне, склонились операторы. Они перебрасываются короткими служебными фразами вроде: «Внимание, переключаю эжектор... Давление на марке... Вакуум в конденсаторах — норма...», чуть дальше, откинувшись на кожаную спинку похожего на пилотское кресла, замер рулевой. Руки его, лежащие на контроллерах, неподвижны: подводную лодку по курсу и глубине ведет автомат — гирорулевой.

Слева от меня штурманский пост. Коля Андреев, корабельный штурман, что-то подсчитывает на логарифмической линейке. Губы его беззвучно шевелятся. Перед ним карта, и по ней чер-

тит кривые нашего пути прибор, напоминающий черного длинного паучка.

Капитан 2-го ранга Круглов стоит на своем командирском месте посередине отсека. Справа и слева от него голубые экраны лодочных телевизоров, ряды квадратных, круглых, прямоугольных шкал и циферблатов. Изредка он подтягивает к губам микрофон на пружинном подвесе и отдает распоряжение чуть глуховатым, спокойным голосом.

У Ивана Васильевича простое русское лицо: немного вздернутый нос, упрямый подбородок, чуть выпирающие скулы и тонкие губы. Он удивительно выдержан. Я ни разу за время плавания не слышал, чтобы Круглов на кого-нибудь повысил голос, хотя поводы для этого, пожалуй, и были. Просто умеет вовремя сдерживать себя и хорошо воспитан. Круглова выдают глаза: то серые, задумчивые, то отливающие холодной сталью, а то насмешливые, с искорками в глубине зрачков.

Старший помощник Никитин, приняв доклады из отсеков, поворачивается к командиру и чеканит:

— Подводная лодка к бою готова!

Круглов не отвечает: задумчиво смотрит в голубой листок, что держит в руке. Старпом повторяет доклад. Командир поднимает голову, не спеша складывает листок, проглаживает пальцами на сгибах и, немного помедлив, приказывает:

— Отбой боевой тревоги! Готовность номер один... Я пойду к себе, старпом.

Он спускается с платформы и идет из отсека. Его провожает десяток пар настороженных глаз. В них немой вопрос: «Командир взволнован. Что-то случилось. Но что?..»

Рядом со мной сидит штурманский электрик Толя Скворцов. На его курносой физиономии прямо-таки написано пламенное желание поговорить. Он заговорщицки подмигивает мне, косится на своего начальника лейтенанта и тихонько шепчет:

— Заметили, как сегодня старпом тревогу объявлял?

— Нет. А что? — шиплю я в ответ и украдкой поглядываю на Никитина — он не выносит посторонних разговоров в центральном посту.

— А то, что объявил не как обычно «учебно-боевая», а просто — «боевая тревога». Может...

— Скажешь тоже, — машу я рукой и смеюсь.

— Разговорчики! — обрывает наш шепот сердитый раскатистый бас Никитина, и в центральном посту надолго воцаряется тишина. Ее нарушает пронзительный телефонный звонок. Старпом снимает трубку, слушает, наморщив лоб гармошкой, отвечает: «Есть!» — и, повесив трубку, подтягивает к губам микрофон. Его голос звучит громко и строго:

— Командир приглашает к себе научных сотрудников института. Повторяю... Командир приглашает...

Дальше я уже не слушаю, тороплюсь из отсека. Толя Скворцов подмигивает мне: дескать, «видишь? А что я говорил?»

— Ерунда! — проходя мимо, шепчу ему. — Фантазируешь...

Наш «интеллектуальный дуэт» (так в шутку нас прозвали моряки) сидит в каюте командира. Иннокентий и я восседаем рядом на диване, Круглов занимает кресло. Командир бледен, очень собран и излишне официален, даже чопорен. Чего-чего, а уж последнего за ним прежде не замечалось.

— Товарищи, мною получена радиограмма штаба, — наконец говорит он и косится на лежащий перед ним голубой листик бумаги. В голосе чувствуется сдерживаемое напряжение. — Весьма срочная радиограмма, — подчеркивает он. — Она существенно меняет план нашего похода...

— Меняет?.. Но почему? Что случилось? — восклицаем мы в один голос.

— «Пионеру» приказано срочно перейти в другой район океана.

— Но у нас непочатый край дел... Наш план... Вы шутите?! — машет обеими руками Иннокентий.

Круглов пристально смотрит на него. В глубине глаз у него — льдинки. Сухо отвечает:

— Какие уж тут шутки! Получен приказ, и я буду выполнять его как боевой. Впрочем, лодка уже начала его выполнять...

Иннокентий нервно снимает и снова водружает на нос очки.

— Приказ... Как боевой... Не понимаю... Почему мы должны бросить налаженную работу и мчаться куда-то сломя голову? Во имя чего все это?

— Во имя мира, — отвечает Круглов.

— Мира?

— Да. Вы же слушаете сообщения радио. Есть данные, что готовится провокация против наших торговых судов. Их ожидают голодные и больные люди, оставшиеся без пищи и без крова после урагана. Кое-кому не по нутру наша помощь острову Свободы. Они объявили блокаду острова, послали к нему свои корабли, самолеты и трубят на весь мир, что не пропустят ни грамма лекарств, ни мешка муки.

— Но это же черт те что! — восклицает Иннокентий.

— Позвольте, но ведь существует международное право? — возмущаюсь я.

Круглов машет рукой.

— Они признают одно право — право сильного.

— Но при чем тут наш «Пионер»? — пожимает плечами Иннокентий. — И потом мы так далеко от тех мест.

Губы Круглова чуть дрогнули, но он очень вежливо объясняет:

— Мы должны помешать провокации. И не только наш «Пионер»... А расстояние... — он усмехается, — думаю, успеем как-нибудь.

— И вы пойдете им навстречу? — заглядывая в глаза командиру, спрашивает Иннокентий.

— Да.

— И?.. — Иннокентий, не договорив, тычет через плечо большим пальцем в сторону ракетного отсека.

— Если получим приказ, — сквозь стиснутые зубы твердо отвечает командир. — Однако надеюсь, дело до этого не дойдет.

Он умолкает. Молчим и мы. Иннокентий, по барабанив пальцами по краю стола, неуверенно спрашивает:

— А как же мы, штатские?.. — и, опережая ответ командира, как решенное объявляет: — Мы остаемся с вами. Не так ли, Сергей? — поворачивается он ко мне.

Но Круглов отрицательно качает головой.

— Это исключено. Завтра на рассвете лодка встретится с научно-исследовательским судном «Крузенштерн», и вы перейдете на него.

— Но мы не хотим... Мы не согласны! — горячится Иннокентий.

— Инструменты, документацию и, конечно, свои вещи вы возьмете с собой, — невозмутимо говорит Круглов и поднимается с кресла. Ясно, разговор окончен.

Обескураженные и раздосадованные, мы отправляемся к себе в каюту. Иннокентий уходит в свой угол и принимается опорожнять шкафчики. Вскоре на его койке вырастает гора из книг, носильных вещей, инструментов и деловых бумаг. Иннокентий, высокий, тощий, топчется возле койки и бормочет под нос что-то неразборчивое и очень сердитое.

У меня сборы недолги, спустя полчаса я свободен. Хочу помочь Иннокентию, но он гонит меня: «Перепутаешь, потом вовек не разберусь!»

Все это время после разговора с командиром

лодки меня ни на минуту не покидает щемящее чувство тревоги. Ощущение такое, будто глотнул лишку морозного воздуха и он застрял в груди. Мозг терзает мысль: «Неужели это начало большой войны?!» Гоню ее от себя, стараюсь думать о работе, о доме, но она упрямо возвращается снова и снова.

Прилег, пытаюсь уснуть. Сон не идет. Пома-
явшись минут двадцать, поднимаюсь, ополаски-
ваю под умывальником горящее лицо и иду бро-
дить по лодке.

Признаюсь, ожидал увидеть встревоженные, сумрачные лица. Ничего подобного! Лица как ли-
ца, словно ничего необычного не случилось. В верхнем реакторном отсеке два матроса из ра-
диационного дозора разговаривают повышенными
голосами. Оба в белом, на головах плексигласо-
вые шлемы с забралами — ни дать ни взять во-
долазы или космонавты перед стартом. За про-
зрачными шлемами красные, сердитые лица. Ре-
шаю: «Обсуждают обстановку». Голоса из-под
шлемов доносятся точно издалека. Прислушива-
юсь. Один говорит другому:

— Нет, нельзя так логарифмы брать! Это те-
бе не топором рубить, тут тонкость нужна.

Второй морщится:

— Чушь! Еще старик Эйнштейн говорил...

О чем говорил старик Эйнштейн, мне узнать не
пришлось, ребята ушли. Шагаю и я дальше. Иду
и размышляю: «Что это — поза? Безразличие?..
Стоим на пороге таких событий, а они о логариф-
мах...»

Однако вскоре, кажется, начинаю кое-что понимать. Говорят: «Глаза — зеркало человеческой души». Заглянул я в эти зеркала и вижу: все взволнованы не меньше моего, все переживают и с нетерпением ждут развязки событий, но они приучены держать свои чувства в кулаке. Такая уж их подводная служба — мужская, суровая, не терпящая бравады и суесловия.

В малой кают-компании подсаживаюсь к старшине рулевых Юре Бельковичу. Он недавно сменился с вахты. У Юры подвижное, с тонкими чертами лицо, острые умные глаза и черные, словно нарисованные углем, соболиные брови — любая красавица позавидует.

— Не спится? — спрашиваю.

— Сон никак не идет, — отвечает он с чуть заметным белорусским акцентом. — У нас в Минске говорят: «За дурной головой и ногам не покой».

— Как на события смотришь? — интересуюсь. — Дьявольщина какая-то в мире творится!

Юра поднимает брови.

— А чего удивительного?.. Прощупывают.

— А если это не просто игра нервов?

На лицо Бельковича наплывает тень. Он даже зажмуривает глаза на секунду, наверное увидав то страшное, что может случиться, если это не просто испытание нервов. Отвечает не сразу, но твердо и без колебания:

— Тогда будем драться! — и тут же переводит разговор на другое.

Я поднимаюсь и иду в центральный пост. По

пути просовываю голову в приотворенную дверь поста наведения ракет — очень люблю тут бывать.

— Ученому мужу, салют! Входи — гостем будешь! — говорит на восточный манер, широко улыбаясь, Саша Сверчков, командир поста, и привычно поглаживает реденькую рыжую щетинку под носом, отращенную для солидности.

Бодро отвечаю:

— Гвардейцам-усачам привет! — и, не ожидая повторного приглашения, шагаю через высокий порог.

— Присаживайся, — приглашающе показывает Саша на свободный стул и поворачивается к операторам. Улыбка сходит с покрытых золотистым пушком щек, и лицо его сразу становится на несколько лет старше.

В небольшой рубке, тесно заставленной приборами, повисает тишина.

— Как рубка? — отрывисто спрашивает Сверчков.

— Рубка под током! — в тон ему отвечает старшина-оператор.

— Начинайте учение!

Старшина выкрикивает:

— Есть! — и певуче командует: — Начинаем проверку параметров. Приготовиться включить главный пульт!

Перехватив вопрос на моем лице, Саша шепотом объясняет:

— Проверка параметров — это проверка характеристик аппаратуры. Понимаешь, она всегда

должна быть в заданных пределах. Как в инструкции — ни больше и ни меньше. Малейшее отклонение в любом звене, и ракета не попадет точно в цель.

По команде старшины матрос-оператор щелкает тумблерами. На панели загораются ряды контрольных лампочек. Экран осциллографа освещается трепетным мерцающим светом. По нему пробегает ярко-зеленая верткая змейка. Старшина, не сводя глаз с экрана, привычно протягивает руку, плавным поворотом верньера фокусирует электронный луч и подгоняет изумрудную синусоиду по масштабу. Экран на какое-то время превращается в гладкий голубой круг, словно усыпанный мельчайшим светящимся песком. Матрос-оператор поочередно подключает блоки, громко называя их номера. Формы импульсов на экране меняются. Они то перекатываются неторопливыми пологими волнами, то вдруг начинают скакать, напоминая стремительно разжимающуюся пружину.

Как зачарованный гляжу на экран. Мне кажется: я в кабине летящего к звездам космолета. А зеленая, меняющая силу и очертания змейка — сигналы таинственных жителей далеких миров.

И вдруг недовольный возглас Сверчкова:

— Две секунды на пятой и полторы на седьмой операции потеряли! Повторите замеры еще раз!

Он прячет секундомер в нагрудный карман кителя и поджимает пухлые губы. Брови сошлись

на переносице, в голосе досада. Брошенный на меня косой взгляд красноречив — я мешаю.

В центральный пост не иду, возвращаюсь к себе в каюту. Только сейчас чувствую, как устал за день. Сон валит с ног. Впрочем, и не мудрено — третий час ночи. На поверхности скоро начнет светать.

В каюте темно, Иннокентий спит. Торопливо раздеваюсь, забираюсь под одеяло и тотчас засыпаю.

Просыпаюсь от сильных толчков. Надо мной стоит Иннокентий. Он трясет меня за плечо и что-то приговаривает: губы шевелятся, но слов я не слышу. Каюта ярко освещена. Я часто-часто мигаю. Наконец, словно через слой ваты, доносится голос Иннокентия:

— Однако силен же ты спать! Вставай же! Вставай!..

Просыпаюсь окончательно, рывком сажусь на постели. Гляжу на часы и не верю глазам.

— Точно, одиннадцатый, — подтверждает Иннокентий. — Пожалел тебя, решил не будить, больно сладко ты спал.

Только сейчас замечаю, что лодку сильно качает. Значит, мы на поверхности. Палуба неторопливо перекашивается то влево, то вправо. Стены каюты скрипят, тоненько позвякивает чайная ложка в забытом на столе стакане. Пока я одеваюсь, Иннокентий забрасывает меня новостями, и я клянусь себя за дурацкую не ко времени сонливость.

— В пять утра стало известно, что встреча

с «Крузенштерном» не состоится — у него какая-то поломка в машине, — рассказывает Иннокентий. — А в шесть с небольшим к нам прицепилась подводная лодка; чужая, конечно. Наши гидроакустики ее сразу засекли и, как водится, запросили позывные. Молчит. Еще раз запросили... Молчит. Так и таскалась за нами целый час, как нитка за иголкой: куда мы — туда и она. И не просто таскалась, а с намеком: сближалась вплотную, будто выходит в атаку, дважды выпускала маскировочные имитаторы, чтобы сбить с толку наших операторов. Гидроакустики говорят: по всему виду, эти имитаторы производства небезызвестной фирмы «Кливай Орднанс Див»...

— И где же мы сейчас? — спрашиваю.

— В точке встречи с нашими торговыми судами. Поддерживаем с ними постоянную радиосвязь, — отвечает Иннокентий. — Они уже где-то близко.

— А как с нами? Значит, остаемся на лодке?

Иннокентий кривится.

— Дудки! Круглов неумолим. Сказал: как только встретимся с нашими судами, немедленно перейдем на одно из них.

Я, наконец, одет, и мы спешим в центральный пост. Здесь забиваемся в закуток, чтобы не мешать подводникам. Старпом смотрит на мою помятую, заспанную физиономию и укоризненно качает головой. Толя Скворцов шепчет:

— Суда на подходе. Их пять. Минут через тридцать будут здесь.

Подводную лодку порядком качает, и приходится за что-нибудь держаться, чтобы твердо стоять на ногах. Рубочный люк отдраен. Впервые за много дней вижу настоящее голубое небо не через десяток перископных линз. В отсеке прохладно, слегка пахнет озоном — работают установки микроклимата, — а под люком пышет полуденным тропическим жаром и разносится соленый аромат открытого моря. Долгое плавание под водой для любого тут дело обычное, и тем не менее голубой кругляшок неба притягивает к себе все взоры сильнее самого мощного магнита.

— Совсем как у нас под Сызранью небо, — говорит рядом Толя Скворцов и, встретившись со мною глазами, почему-то краснеет и поспешно отворачивается.

Из радиолокационной рубки докладывают:

— Курсовой... Дистанция... Вижу наши суда!

Старпом Никитин приникает губами к переговорной трубе и повторяет доклад радиометриста на мостик командиру. Слышим баритон Круглова:

— Попросите научных сотрудников поторопиться; мы не можем тут долго задерживаться.

Обрывается последняя надежда остаться на «Пионере». Обвожу глазами отсек, встречаюсь с сочувствующими взглядами моряков. Только сейчас по-настоящему понимаю, как сроднился с ними и с кораблем. Чувство острой зависти, любви к этим мужественным парням и обиды, что не придется быть с ними до конца, охватывает

меня. В эти минуты, пожалуй, впервые жалею, что не избрал профессию военного.

Старпом оборачивается к нам, глядит на наши кислые лица и разводит руками: мол, ничего, братцы кролики, не поделаешь: приказ есть приказ.

Мы стоим на мостике «Пионера». В двух кабельтовых от лодки лежит в дрейфе «Ангарск» — теплоход, на который мы переходим. Остальные суда уже ушли: их дымы еще курятся над горизонтом. Лодку заметно покачивает, а гигантский «Ангарск» кажется неподвижным. К нашему борту пришвартована белоснежная шлюпка. В нее уже перенесены наши вещи. Гребцы и рулевой, дочерна загорелые моряки с «Ангарска», запрокинув кверху лица, с любопытством осматривают подводную лодку и весело переговариваются с толпящимися на палубе подводниками.

В отсеках мы уже со всеми попрощались, очередь за теми, кто на мостике. Круглов пожимает нам руки, говорит без улыбки:

— Пожелал бы вам спокойного плавания, да боюсь, не будет оно спокойным ни у вас, ни у нас.

Шлюпка отваливает от борта «Пионера». Подводники приветственно машут нам пилотками. На сердце у меня тяжесть. Кажется, и не так уж много времени пробыл на лодке, но всей душой успел прикипеть к замечательным ребятам.

На полпути от «Ангарска» гребцы нашей шлюпки во все глаза смотрят на подводный атомо-

ход — такое и им не часто приходится видеть. Палуба и мостик «Пионера» пустеют. Лодка дает ход, и мы видим, как она, наклонив нос, медленно погружается в океан. Сначала вода скрывает носовую надстройку, затем, оставляя на глади океана широкую, долго незатягивающуюся пенную борозду, пропадает из глаз высокая рубка...

Остаток дня и ночь проходят спокойно. К полудню — так сказал нам вчера штурман «Ангарска» — мы будем уже на месте. Выглядываю в иллюминатор: ночью мы догнали наши суда, и теперь движемся слитной группой.

Завтракаем в кают-компании вместе с моряками «Ангарска». (Они стараются развлечь нас — как-никак гости, — даже пытаются шутить, но мы чувствуем: нервы напряжены у всех.)

— Вот гады, в мирное время приходится ходить, как в войну, в конвое! — не выдерживает самый молодой из присутствующих, третий штурман. Под укоризненными взглядами товарищей он краснеет и, опустив очи долу, замолкает.

— Мы не из пугливых, нас на бога не возьмешь! — негромко говорит пожилой стармех. — Так что не переводи зря кровь на воду, Виталий. Не пугай наших гостей.

После завтрака поднимаемся на мостик. Знакомимся с капитаном. Он до боли сжимает каждому из нас руку, коротко представляется:

— Павлов, Игорь Георгиевич.

Завязывается разговор о нашем плавании на «Пионере», мы расспрашиваем об «Ангарске». Капитан, видать по всему, не очень-то словоохотлив, однако и не молчун. Обстоятельно отвечает на наши вопросы приятным, с хрипотцой баритоном. Украдкой наблюдаю за ним. Павлов ничуть не похож на сложившегося в моем воображении морского скитальца. Он молод — на вид лет тридцать пять, невысок ростом, худощав и элегантен. Щеки выбриты до синевы, китель с четырьмя золотыми нашивками и чехол фуражки — белее снега, ботинки надраены до зеркального блеска.

— И вы считаете, что возможна провокация? — спрашиваю у него.

Капитан утвердительно кивает.

— Уж что-нибудь эти господа нам непременно преподнесут. Я их шакальи повадки знаю. Удивляюсь лишь, почему до сих пор их не видно.

Словно в опровержение его слов, штурман тянет руку к горизонту:

— Вот и они, легки на помине!

Со стороны солнца к судну приближаются две черные точки. Они быстро растут в размерах.

— Истребители-бомбардировщики «Скайуоррор», — говорит Павлов. — Старые наши знакомые: в прошлый рейс с ними встречались в этих же местах.

Самолеты, похожие на летучих мышей, заходят на «Ангарск» с кормы и проносятся вдоль судна, едва не задевая за верхушки мачт. В уши обруши-

вается вой и грохот моторов. Запрокинув голову, успеваю заметить опознавательные номера самолетов — «НО-42375» и «НО-42379». На крыльях четко видны опознавательные знаки — белые звезды.

Самолеты улетают к самому горизонту, вновь возвращаются и делают над «Ангарском» заход за заходом.

— Фотографы-самоучки, — ехидно говорит штурман и сжимает кулаки. — Я бы их пофотографировал, будь моя воля!

— Меньше эмоций, штурман, — улыбается капитан, — и разожмите кулаки, а то, чего доброго, увидят эти нахалы и завопят об агрессии.

Покружив над нами, самолеты улетают. Однако не проходит и четверти часа, как над судном появляется новая пара. С этой минуты рев моторов не прекращается. Одну пару истребителей сменяет другая. Они то низко проносятся над «Ангарском», то, набрав высоту, пикируют на него сверху, то мчатся на нас над самой водой, имитируя атаку торпедами.

— Теперь жди визита надводных кораблей, — говорит штурман.

— Да, авианосец, видно, бродит где-то поблизости, — соглашается капитан.

В полдень обедаем в кают-компании. Во главе стола капитан. Он рассказывает о прошлогоднем походе «Ангарска» в африканские страны. На самом интересном месте рассказа в дверях появляется матрос и четко, по-военному докладывает:

— На горизонте авианосец и четыре эскадренных миноносца. Идут к нам. Быстро приближаются.

Капитан убирает с колен салфетку, аккуратно складывает ее и поднимается.

— Вот и начинается главное, — хрипло говорит он, выбираясь из-за стола. Он бледен, но спокоен. В дверях оборачивается и говорит при молкшим помощникам и механикам: — Их приказов я выполнять не стану. Судно обыскивать не позволю. По местам, товарищи! Если... Впрочем, никаких «если» не будет, — закончил он, оборвав фразу, и вышел.

Следом за ним спешат на свои посты и остальные. Мы поднимаемся на мостик и устраиваемся в тени штурманской рубки. Немилосердно печет солнце — оно над головой. «Ангарск» идет полным ходом, но прохлады встречного ветра совсем не ощущается.

Чужие корабли уже близко. Огромный утюгоподобный авианосец окружают эсминцы. Припавшими к воде корпусами, скошенными назад мачтами, трубами и надстройками они напоминают крадущихся по следу хищников. Над авианосцем кружат самолеты: одни взлетают, другие садятся на плоскую, расчерченную белыми линиями палубу.

На мачте ближнего к нам эсминца взлетает флажный сигнал.

— Приказываю остановить ваши суда для досмотра! — глядя в бинокль, докладывает сигнальщик. Он выжидательно смотрит на капитана.

Павлов цедит сквозь зубы:

— На сигнал не отвечать, — и обводит глазами наши суда: ни на одном из них ответных сиг-

налов нет. — Пусть кому-нибудь другому, кто ростом поменьше и нервной послабее, приказывает.

На мачте эсминца рядом со старым сигналом появляются новые флаги. Над нашими судами носится уже с десятков осатаневших истребителей. Сигнальщик, полистав толстую книгу свода флажных сигналов, говорит:

— Снова требуют остановиться. «Если не выполните мой приказ, применю силу...»

Наши суда продолжают идти прежним курсом и скоростью. Павлов, заложив руки за спину, медленно прохаживается по мостику. Сцепленные в замок пальцы побелели. Пронзительный свисток из переговорной трубы заставляет его остановиться и подойти к ней. Он вынимает медную пробку, говорит: «Слушаю вас, радиорубка!» — и прикладывает ухо к раструбу. Из переговорной трубы доносится приглушенный голос:

— Они вызывают нас по УКВ... Говорят на русском языке...

— Переключите репродуктор на мостик. В разговоры с ними не вступать, — приказывает капитан.

Репродуктор над нашими головами наполняется шорохами, тресками. За ними трудно что-либо разобрать. Наконец пробивается гнусавый, коверкающий русские слова голос:

— Кэпитан!.. Кэпитан оф руски пароход, делайт стоп! Это я вам говорю: делайт ваш пароход стоп!.. Ми будем стрелять из пушка!.. Делайт стоп!.. Делайт стоп!..

Павлов наклоняется над переговорной трубой, со злостью говорит:

— Выключите к дьяволу этого дегенерата!

Вопли из репродуктора обрываются, и на мостике снова воцаряется тишина.

— Глядите, а они не на шутку разыгрались! — тревожно восклицает штурман и показывает на эсминец.

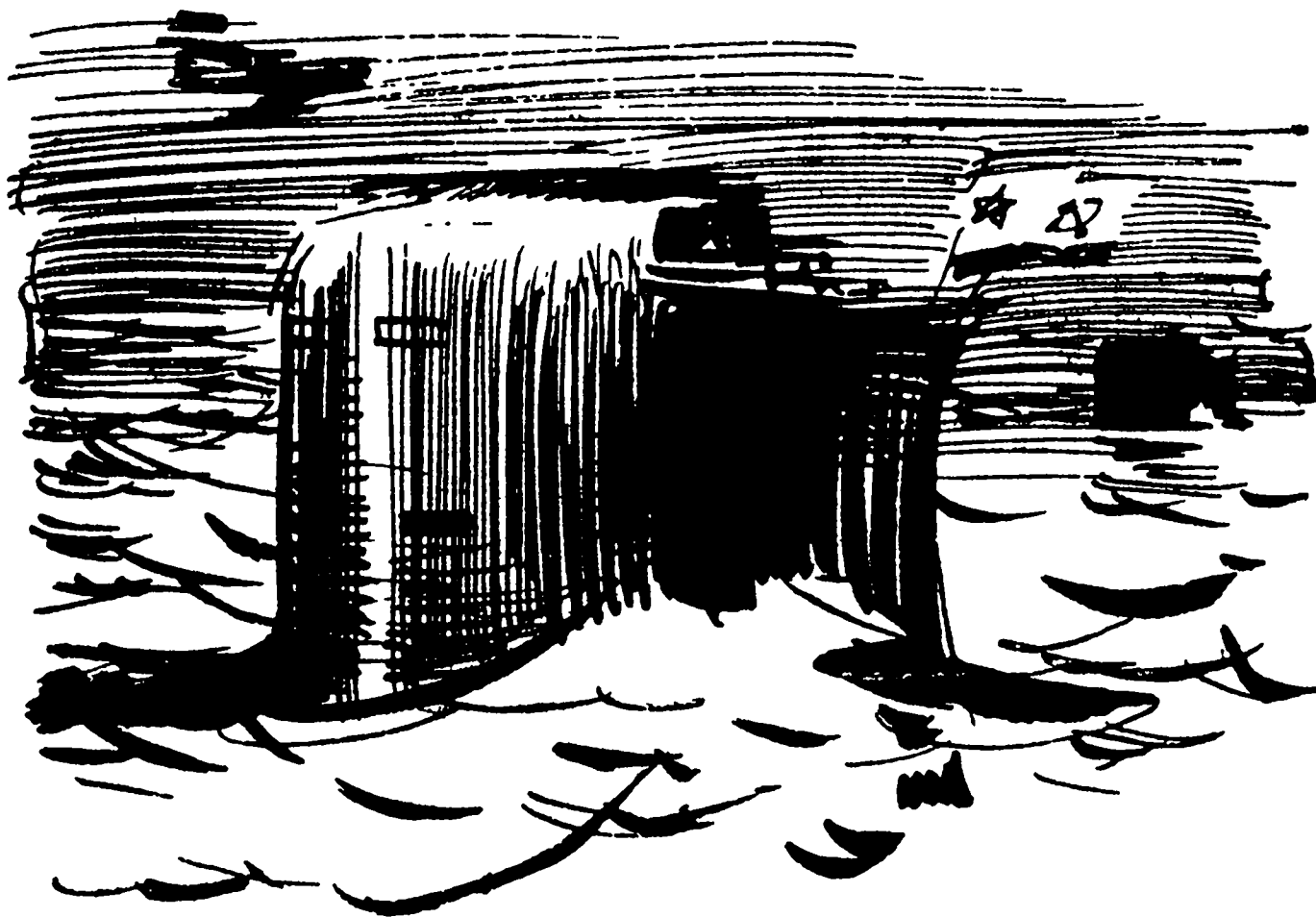
На палубе эсминца ни души. Его орудийные башни, медленно шевеля пушечными стволами, поворачиваются в сторону советских кораблей. Кажется, все они направлены мне в грудь. Иннокентий кладет руку на мое плечо и сильно сжимает пальцы. На лице у него усмешка.

Палубу и мостик эсминца озаряет ослепительная вспышка, над одним из орудийных стволов повисает белое ватное облачко. Со скрежежом ввинчиваясь в воздух, где-то высоко над головами проносится снаряд. Он падает с большим перелетом, далеко от наших кораблей.

«Что же это происходит!? Какое они имеют право?!» — думаю с тревогой и обшариваю глазами пустынный океан.

Новые вспышки. Грохот разрывов. Два высоких водяных столба, распустившись огненными грибами, встают на пути «Двины», головной в нашей колонне. Эскадренный миноносец, ведущий по нас огонь, выходит из строя своих кораблей,

разворачивается и устремляется к нам. Под его острым форштевнем вскипает белая пена. Мне кажется: я вижу ухмыляющиеся злобные рожи тех, кто стоит за броней на его мостике.

— Спокойствие, товарищи! Спокойствие! — негромко говорит капитан и стискивает пальцами поручень.

И вдруг не крик — вопль сигнальщика:

— Подводная лодка!.. Наша!.. Наша подводная лодка!

Между стремительно приближающимся эскадренным миноносцем и советскими судами, взбурдав спокойную воду, поднимается рубка подводной лодки. На ней белый, с синей полосой, серпастый и молоткастый родной флаг.

— «Пионер»!.. Это «Пионер»! — кричит во весь голос Иннокентий.

Но нет, это не «Пионер» — не тот бортовой номер. Я говорю об этом, а он хохочет и вопит в голос:

— Все равно наша!.. Наша, советская!

Подводная лодка всплывает и идет параллельным с нами курсом, прикрывая нас, как щитом, от эсминца. Но тот продолжает свой сумасшедший бег. Его форштевень нацелен на лодку. Он все ближе. Ближе! И вдруг, оставляя позади себя искромсанную винтами белопенную струю, резко поворачивает на обратный курс и несется к своим кораблям. Сигнальщик, протягивая руку к горизонту, кричит пресекающимся от волнения и счастья голосом:

— Еще лодки!.. Наши!.. Вон они!..

Авианосец и эсминцы уходят куда-то в сторону. На их мачтах уже не полощутся многоцветные сигналы. Оставляют нас в покое и самолеты, улетев за горизонт.

Я смотрю в сторону далеко идущих от нас подлодок. На одной из них служат мои друзья — очень простые, очень смелые и очень верные мужской дружбе парни.

Впереди из океана медленно поднимаются белоснежные башни многоэтажных зданий, зелень пальмовых рощ, ажурные переплеты порталных кранов.

Тут тоже живут мои друзья. Я еще незнаком с ними, но уверен: мы подружимся.

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой мой юный друг!

Только что ты перевернул последнюю страничку этой книги, рассказывающей о советских подводниках, мужественных и бесстрашных людях, посвятивших себя служению любимой Отчизне и морю. В течение нескольких часов ты был рядом с ними: погружался в глубины океана, топил корабли врага в открытом море и в каменных мешках фиордов, прорывался сквозь минные поля и сети, отбивался от злобных атак противолодочных катеров и боролся с жестокими штормами. Я уверен: подводники навек стали твоими добрыми друзьями.

Твоя страна — великая морская держава, а народ твой по праву может называться народом-мореходом: свидетельство этого — многовековая богатейшая история его мореплавания и овеянная легендарной славой военно-морская история.

Военные моряки всегда были в числе самых отважных и стойких защитников матери Родины. В штормовые дни Великого Октября и гражданской войны на море и на суше, на самых ответственных постах, где требовались отвага и беззаветная преданность делу революции, несли бессменную вахту люди в черных бушлатах.

Когда кончилась гражданская война, ленинский комсомол взял шефство над нашим Военно-Морским Флотом. На флот пришли тысячи добровольцев, лучшие из лучших, — комсомольцы тех горячих дней. Эти парни учились, мужали и росли вместе с набирающим силы флотом: осваивали новые крейсеры и подводные лодки, могучие береговые орудия и

морские самолеты, составляли точные карты берегов и изучали течения, опускались на дно морей в водолазных скафандрах и проходили вечно суровым Северным морским путем.

Это они, комсомольцы 20-х годов, став командирами соединений и боевых кораблей, классными штурманами и минерами, артиллеристами и летчиками, научили своих младших братьев стойкости, бесстрашию, ненависти к врагу и приняли грудью первый удар кровавых гитлеровских полчищ.

Это они, как былинные герои, обороняли Эзель и Даго, Ханко и Таллин, стояли насмерть у стен городов-героев Ленинграда, Одессы, Севастополя и Волгограда.

Это они, прозванные врагом за неустрашимость и ярость «черной смертью», вместе с солдатами Советской Армии ворвались в логово поверженного фашистского зверя и принесли народам планеты и своему народу мир, счастье, покой и боевую славу, которая не померкнет в веках.

Заслуженным уважением и почетом среди других военноморских специальностей пользуются подводники. Мне, прослужившему многие годы на подводных лодках, хорошо запомнились ратные подвиги моих боевых друзей, их мужество и отвага. В любую погоду, в любой обстановке они выходили в море, дерзко прорывались в порты противника, смело атаковали и пускали на дно гитлеровские боевые корабли и транспорты.

Имена отважных подводников-героев Великой Отечественной войны И. Колышкина, П. Гаджиева, И. Фисановича, М. Грешилова, Н. Лунина, В. Старикова, Я. Иосселиани, Е. Осипова, И. Травкина и их боевых товарищей навсегда останутся в памяти нашего народа.

Мой юный друг, если тебе по душе и по плечу трудные мужские дела и ты желаешь посвятить себя морю, знай: какие бы отрасли техники и науки ни влекли тебя, ты всегда сможешь найти применение своим силам и способностям на новых кораблях нашего качественно нового флота, умножившего во много крат свою боевую мощь не только за счет числа вымпелов, но и за счет атомных реакторов, мудрой электронной техники и не знающих промаха грозных ракет.

Однако помни: флотская служба и в особенности служба подводника нелегка. Это не только красивая морская форма,

безбрежные океанские дали, сказочно прекрасные рассветы и закаты, схватки со штормами. Это труд упорная учеба, бессонные ночные вахты, долгие плавания, суровая дисциплина. Но это также и удивительное неповторимое чувство познания нового и пробуждающихся в тебе сил, радости побед, какими бы маленькими они ни были, ощущение локтя стоящего рядом с тобой друга.

Богата и могуча наша держава — Союз Советских Социалистических Республик. Крепки и непобедимы ее Вооруженные Силы. Бок о бок с пехотинцами и ракетчиками, танкистами и артиллеристами, летчиками и авиадесантниками неусыпно охраняют священные рубежи своей Отчизны люди во флотской форме. Глаза их зорки, слух чуток, действия рук, управляющих грозным смертоносным оружием, выверены на сотнях учений. В любую минуту они готовы ответить сокрушительным ударом на удар безумцев, осмелившихся посягнуть на труд и счастье советских людей — строителей светлого будущего человечества — коммунизма.

Герой Советского Союза вице-адмирал Г. ЩЕДРИН

СОДЕРЖАНИЕ

Удар на рассвете	3
Испытание огнем	23
Мат черному королю	47
Так держать!	71
Сильнее смерти	87
Последний взрыв	117
Романтики	128
Операция «Мир»	145
К читателю	172

Тарский Юрий Семенович

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ. М., «Молодая гвардия», 1964.

176 с., с илл. (Фантастика. Приключения. Путешествия. Б-ка
«Честь, отвага, мужество».) Р2

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *И. Ушакова*

Худож. редактор *Г. Позин*

Техн. редактор *Л. Будова*

А00785. Подп. к печ. 29/X 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 5,5(7,53).

Уч.-изд л. 6,4. Тираж 115 000 экз. Заказ 1536. Цена 19 коп.

Б. З. № 39, 1964 г. п. 19.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21,

**БИБЛИОТЕКА «ЧЕСТЬ, ОТВАГА,
МУЖЕСТВО»**

Вышли из печати:

Е. Рябчиков — Засада на черной тропе

А. Лукин — Операция «Дар»

Л. Самойлов,

В. Гирин — Выстрел в переулке

Готовятся к печати:

В. Смирнов,

**Ю. Попков — Трое суток рядом со
смертью**

Г. Боровик — Пылающий остров

И. Мызгин — Со взведенным курком

В. Микоша — С киноаппаратом в бою